Как это делалось тогда
(записки инженера)

Первого августа 1971 года ранним утром мы с отцом вышли на перрон железнодорожного вокзала в Костроме. После окончания ДИИ я на «распределении» получил направление в г.Кострому на экскаваторный завод «Рабочий металлист».
В те годы выпускники ВУЗов обязаны были отработать три года по так называемому «распределению». Многие были этому рады. Во-первых, ты получал старт по выбранной специальности, во-вторых, ты становился самостоятельным человеком, который имел работу, и два раза в месяц тебе платили заработную плату: аванс и «получку». В-третьих, - ты становился членом профсоюза. И тут, как говорится, не дай, Бог, - больничный, но дай Бог - путёвки к отпуску. Плюс доступные «страховки» и многие другие приятные «мелочи», которых сегодня – нет. В-четвёртых, ты попадал в новый круг общения, пусть за тысячи километров от привычных мест, но в русскоговорящую общность людей, о которых сложили песню со словами: «Нет на свете выше звания, чем советский человек…». В-пятых, ты был уверен, что приобретёшь новых друзей, узнаешь и увидишь новые города, но ты будешь жить в своей стране, по привычным для тебя законам и правилам.
Универсальных рецептов жизнеустроения, конечно, нет. Житейские обстоятельства диктуют свои, вполне аргументированные подходы при решении тех или иных задач, каждому человеку лично. В этом случае можно было решить задачу «открепления» и вернуться к маме и папе, к молодой, а какой же ещё в то время жене, столь же молодому мужу, да мало ли, что бывает нужно людям. У меня таких проблем не было.
Мы обсудили всё дома и семейный совет постановил: Юрке повезло. Кострома - областной центр, с театром, филармонией и «Интуристом!». Город входит у туристическое «Золотое кольцо России», Москва – рядом, Волга – вот она, «Спартак» играет в первой лиге, буду работать в Отделе главного сварщика. Воздух в Костроме чистый. Антисемитизм в России не такой жёсткий, как на Украине, - если всё сложится, - всей семьёй переезжаем в Кострому. Было решено, что первый выезд мы осуществляем вместе с папой, он проведёт рекогносцировку на местности, я остаюсь, а папа, естественно, возвращается домой к своему любимому ДГЗ. Доехали до Москвы, поезд на Кострому - вечером с Ярославского вокзала. Билеты на руках, чемоданы в камере хранения и мы поехали к нашим Днепродзержинским москвичам. Это была семья Тылкиных. Я с детства хорошо знал тётю Шуру, дядю Мишу и их сына Арика. Без Тылкиных в нашем доме не проходило ни одно торжество и меня родители прихватывали с собой, когда направлялись к ним в гости. Для преподавателей нашей кафедры МСП дядя Миша был Бог, Царь и воинский начальник. Крупнейший специалист в области металлургии и термической обработки, инженер ещё «той!» формации, автор многих книг и печатных трудов, профессор, Председатель ВАКА, человек огромного обаяния – таким был Тылкин Михаил Аркадьевич. Его знаменитый «Справочник термиста», впечатляющая по глубине раскрытия инженерной сути сложной, интересной профессии книга, долгие годы занимала на моём рабочем столе главное место. Многие, хотели бы, сегодня, иметь возможность, заглянуть в какую-нибудь из глав этого справочника, но сегодня, таких книг на полках наших магазинов нет.
В студенческие, порою разгильдяйские годы, особенно потом, когда сварка стала моей любимой профессией, - я протоптал для себя тропинку в магазин «Техническая книга». Маленький такой магазинчик, в пятидесяти метрах от «Океана» на Ленина. Продавцы знали своих постоянных покупателей, часто оставляли для нас ценную малотиражную литературу. Можно было заказать, очень нужную, важную, производственники меня

поймут, - нормативную документацию. В конечном итоге, получилась приличная техническая библиотека, которая с одной стороны доставляла её владельцу неподдельное удовольствие «по факту наличия», а с другой стороны, постоянно обновляясь, подбрасывала пищу для мозгов, закрученного производством человека. Незадолго до описываемых событий, я уже побывал в московском доме Тылкиных. Зав.кафедрой, наш дорогой Вадим Николаевич Милютин, организовал для своей любимой группы, первых по набору сварщиков ДИИ, очередную творческую поездку по маршруту Днепродзержинск, Москва, Рига. «Возил» нас Мельниченко Глеб Павлович, он был многим обязан Тылкину, да и просто хотел его увидеть. Приняли нас очень радушно, за столом говорили о разном, но вскоре дяде Мише нужно было выезжать по делам, мы вместе вышли из дому и тепло попрощались. И вот я опять в доме Тылкиных. Это была огромная профессорская квартира с громадными комнатами, высоченными потолками. Перед книжными шкафами, которые тянулись к потолку, стояла деревянная лестница-стремянка с широкими ступенями, на которых было удобно сидеть. Хозяйка дома, тётя Шура, доктор, необычайно красивая, милая женщина, улыбчивая и добрая, - радостно хвасталось новой покупкой для дяди Миши, - австрийскими зимними полусапожками с высокими широкими язычками. Арик в этот раз был дома и предложил после семейного обеда зайти в какое-то модное кафе. По комнатам важно ходил громадный коричневый пёс, по виду добряк и флегматик, его все норовили погладить, потрепать за холку, а он видимо очень ценил доброе к себе отношение. Впрочем, мы все это ценим. Обильный, с большим количеством грибных блюд, московский обед, уже подходил к концу, папа и Тылкины не могли наговориться, как вдруг к столу подошёл лучший друг человека. Он что-то держал в зубах, посмотрел на профессора так, как это умеют делать, только преданные хозяину псы, и положил на пол перед дядей Мишей, два аккуратно откушенных от новых австрийских ботинок, - язычка. Ну что тут было делать? Вдоволь нахохотавшись, мы с Ариком пошли в кафе. Арик познакомил меня со своими друзьями: девушками и ребятами. Всё было хорошо, но я не чувствовал себя комфортно. Я ведь человек провинциальный. А эти молодые люди были, как потом стали говорить, весьма продвинутыми. Они были одеты не так, как я, были очень шумными, резкими, курили с каким-то упоением, их весёлость мне была непонятна, что-то напрягало. Время поджимало, мы попрощались с Ариком, я позвонил «из автомата» и направился на встречу с отцом, который очень хотел попасть на Красную площадь. В ноябре сорок первого папа был участником знаменитого парада, после которого воинские части, прямиком, направлялись на оборону Москвы. Можно представить, какие мысли и чувства будоражили его сердце и душу, - в 41-м ему было всего двадцать лет. Пешком дошли до Мавзолея, люди стоят в длинной очереди. Отец сказал: «Жди, я недолго». Он, действительно, пришел очень быстро: «Мы идём в Мавзолей без очереди, я показал им удостоверение участника обороны Москвы». Тут с моей стороны возможна какая-то неточность в части, именно, - «удостоверения», но только в этой части. Я ответил: «Папа! Извини, но я к нему не пойду, и ты знаешь почему». Я огорчил отца, но так я устроен: разумный компромисс ради дела, – да! Но есть вещи, где компромиссам - места нет. Договорились, что жду папу там, где мы расстались. Красная площадь никого не могла оставить равнодушным. Множество людей, воздух наполнен какой-то особой энергетикой, экскурсионные автобусы, мегафоны экскурсоводов, туристы, стремительные москвичи, вальяжные господа, поучающие молодых внимательных людей, звон курантов… Столица! Я стоял возле Исторического музея. Помнится, этот музей был устроен поблизости или даже в самом храме Василия Блаженного. Справа за спиной высилась гостиница «Москва», на первом этаже которой, помню кафе с таким же названием. Я сам был очень расстроен размолвкой с отцом, но на всё и всегда есть свои

причины. Еще в школе в старших классах, я бегло прочитал, несколько глав из книги о расстреле царской семьи «23 ступени вниз», возможно путаю название, но как-то так. Было это в бане «на Союзной», в которую я начал ходить с восьмого класса, - тренер велел. Мне наши любители «щедрого жара», взрослые люди, чем-то я заслужил их доверие, выделили 20-30 минут и я лихорадочно листал эту страшную книгу в комнатёнке нашей банщицы, Афанасьевны. Дома я завёл разговор о жестокости расправы над беззащитными людьми и расстреле детей. Родители, дед, бабушка забеспокоились: «Не вздумай, с кем бы то ни было говорить об этом, - забудь!». Их можно было понять, они хорошо знали нашу жизнь, были мудрее и желали мне только добра. В тот московский вечер я к Ленину не пошёл. Спасибо папе и к этой теме мы больше не возвращались.
Отправились на тихий, спокойный Ярославский вокзал. Вещи, предварительно, были оставлены в камере хранения, и, подхватив чемоданы, пошли к поезду. Нас обогнала стайка рослых светловолосых девушек. Они бежали к своему вагону, и я услышал говор, о котором только слышал: «Ой! КОстрОма - рОдненькая!». Девочки мне понравились, и уже хотелось в КОстрОму. В вагоне, если не все, - то большинство «Окали». Было слышно: «Дак - ить…, чаВОй-тО, ну, пОгОвОри, пОгОвОри!». Чай в поезде дело «святое» и кто-то уже шутил с проводницей: «Чай, кОрОва, чай пила?»
За день мы изрядно намотались и очень быстро уснули, а утром первого августа - встретились с Костромой.
Сели с папой на троллейбус и через весь город поехали в район с названием Заволжье, на завод «Рабочий металлист». Мимо неспешного троллейбуса проплывали кварталы спальных районов, парки, площади и улицы незнакомого города, старинные особняки. За окном было много, непривычных нашему глазу деревянных домов, двух - трёхэтажных, тёмных от прожитых лет. Запомнились необычайной красоты, если так можно сказать «в купеческом стиле», здания музыкального училища с фронтоном из цветных стёкол. По ходу движения, с правой стороны, я увидел классическое здание театра, перед театром площадь - вся в цветах. Поразили своей необычной архитектурой и красотой «Торговые ряды».



Кострома, центр, «Торговые ряды»

Тут же рядом высилась старинная, пожарная каланча. Колорита в старой части города – хватало.



Театр



Пожарная каланча



Мост в Костроме похож на «новый» мост в Днепропетровске

Когда подъехали к Волге, я увидел мост, как две капли воды, похожий на «Новый» в Днепропетровске. Волга из окна троллейбуса напоминала Днепр, видны были пляжи, баржи, моторные лодки. Невдалеке над рекой, вместо привычно дымящих труб ГРЭС, аглофабрик, апокалипсических силуэтов доменных печей и рудно-грейферных перегружателей, над Волгой, стояли храмы с маковками церквей.



От такой красоты невозможно оторвать взгляд.

Перед съездом на берег возникла небольшая пробка, троллейбус остановился и я увидел под мостом нечто удивительное. Ничего подобного, ну разве в кино, - я до этого никогда не видел. Прямо у берега, над самой водой, были сооружены деревянные нАстилы и женщины, приняв на них, весьма романтические позы, стирали, полоскали бельё. Некоторые становились на коленки, так им было, видимо, сподручнее наклоняться к воде. Пышногрудые, наверное, от костромского молока, - барышни доставали грудью прямо до воды, их мокрые, прилипшие к телу блузы, открывали простор для самых смелых фантазий и откровенно радовали глаз. Подмостей было устроено много, и шла большая стирка. Увы, но пробка рассосалась, и троллейбус, поплыл дальше… Троллейбусное кольцо, находилось метрах в пятидесяти от заводоуправления. Перед заводом стояла большая деревянная изба – баня. Это уже настраивало на добрый лад. Папа пошёл на небольшой рынок, расположенный тут же, как обычно перед каждым заводом, а я отправился в Отдел кадров.

«Юра, ты? Привет!»,- неожиданно услышал я. Это был знакомый парень «с Украины», играл в футбол, мы были с ним вместе на сборах. Он тоже, но на пару дней раньше, приехал по направлению в отдел Главного механика. Был он из Днепропетровска, звали его Лёша. Лёша рассказал, что из разных украинских городов приехали ещё пять - семь ребят, играющих в футбол, они уже состыковались, сказал, что сборную завода нужно вытаскивать со дна турнирной таблицы первенства области, а когда начнутся тренировки, - он сообщит. Эта была интересная для меня информация. Подошла моя очередь, и я зашёл в Отдел кадров. Беседу со мной вела молодая дама лет тридцати. Расспрашивала, сверяла данные, а потом выдала направление в общежитие, сказала, что там уже ждут. Комната на троих, только после ремонта и жить там будут инженеры ОГС. Я задал коронные вопросы для молодого специалиста в чужом городе: «Как у Вас с предоставлением постоянного жилья? Есть ли очередь для молодых специалистов?». Ответ дамы, тоже был коронным: «У нас в Костроме шесть на одного», - сказала дама, имея в виду соотношение между костромскими красавицами и лицами мужской национальности. «ЖенИтесь на нас и всё у Вас будет», - игриво добавила она. Я, помнится, робко возразил: «Ну, что уж так сразу, - жениться!». «А чо, тянуть?», - со смехом ответил работник Отдела кадров. Общежитие было расположено в десяти минутах ходьбы от заводоуправления. Вдоль переулка, длиною не более ста метров, с обеих сторон от асфальтового покрытия, стояли аккуратные белые двухэтажные домики, как оказалось, с деревянными межэтажными перекрытиями. На вторых этажах - деревянные же балконы. Это и были общежития, нашего теперь, завода. Моё общежитие было расположено в начале переулка, в противоположном, конце – стоял продовольственный магазин. В срединной части переулка была очень приличная рабочая столовая с заводскими ценами. С одной стороны улицы, все общежития были женскими, а с другой – нашими, мужскими. Как выяснилось позже, некоторые жители общежитий дружили домами. Мы зашли в общежитие, в котором мне теперь предстояло жить, которое должно было стать моим домом, а если срочно не женюсь на костромской красавице-невесте, - то проживу здесь минимум три года, согласно закону* о распределении. Всё было стерильно чисто, преобладали белый и голубой, прошу не ёрничать, - цветА. Пахло хлоркой. «Пойдём, милОк, пОкажу те, что у нас и где», - обратилась ко мне пожилая

симпатичная женщина, с которой мне, потом, было всегда легко и комфортно общаться. Её все называли – «мама»: «Мама, Вы». Жила она в нашем общежитии, её комнатка была расположена на первом этаже.

Тут же на первом этаже были расположены умывальники, электроподогреватель питьевой воды, пардон, два клозета, и кухня, - если не ошибаюсь, то на три газовые печки. Я, дитя комфорта, поинтересовался: «А душ?». «Дак и… вОна недалеко – баня. Там тебе и веники и шайки, а дУша, ЮрОчка, нет». Поговорила с отцом, похвалила, что приехал, сына не бросил, сказала, чтобы не беспокоился: «У нас люди добрыЯ». Увидела орденские планки на папином пиджаке и тут же промокнула платочком глаза, видимо война зацепила и её. Мы поднимались по гулким деревянным ступеням на второй этаж с чемоданами, авоськами, а нас приветствовали давнишние жильцы общаги. На ходу спрашивали: откуда, почему приехал, где буду работать, как зовут меня и отца. Приезд отца произвёл на всех ребят сильное впечатление. Потом я узнал, что у большинства из них отцов не было. Это очень болезненная тема, проблемный государственный вопрос, но, как говорится «не здесь и не сей час». Открыли высокую, массивную, деревянную дверь, впереди ещё - ситуация, когда эта массивная дверь сослужит жильцам комнаты добрую службу. Комната была просторная, действительно, пахла свежим ремонтом. Напротив входной двери был расположен балкон, а под ним ухоженная спортивная площадка. С левой стороны небольшого двора, вблизи забора, стояли, окружённые кустарником, два длинных деревянных стола со скамейками. Тут же, была водопроводная колонка, и её цементный слив уходил, куда-то, за пределы двора. Я выбрал себе кровать у левой стены, оставались ещё две, для моих будущих соседей, как оказалось прекрасных ребят, с которыми я потом искренне с большим удовольствием общался и дружил. Перед моей кроватью стояла высокая тумба, на ней радиола (радиоприёмник с проигрывателем), а в тумбе было полно пластинок. В части радиоаппаратуры, комната была, дополнительно, оснащена репродуктором. С правой стороны другая кровать упиралась в дальнюю стену, а к ней примыкали, последовательно установленные, два платяных шкафа. Я открыл первый шкаф: всё было на месте: полочки, плечики, даже мешочки с нафталином. Открыл большую дверь второго шкафа и уже через минуту мы с отцом одобрительно нахваливали местных мудрецов. Платяная часть шкафа была оборудована для хранения, чего бы Вы думали? Картошки! Лист ДВП перекрывал платяной проём шкафа до половины, превращая его в ларь, и там уже было не менее десяти килограмм крупной, отборной костромской картошки. Это наша общежитская «мама» готовилась к встрече своих новых жильцов из Украины. Потом мы несколько раз на заводском «Пазике» ездили «на картошку» всем отделом, разрешалось набрать картошки домой, столько, сколько в руках до автобуса дотащишь. На зиму, наш ларь был заполнен доверху, - мы были с картошкой. В центре комнаты стоял массивный круглый стол. Папа расположился за столом и готовил, ещё из домашних запасов, и из каких-то, приобретенных на базарчике продуктов, перекусон. Да, в комнате ещё был большой электрический чайник и он, так сказать, уже набирал обороты. Мы начали располагаться. В дверь постучали. Вошёл здоровенный, плотный, хорошо накачанный парень. Он был дружелюбно настроен и улыбался. «Так этО! Я, тут на районе, – главный. ЗОвут, как и тебя, - Юрий, а Вы, значит, Михаил Ильич. Будем знакомы, очень приятнО!», - так, или

примерно так, по-хозяйски говорил мой заволжский тёзка. «Район у нас бандитский, но свОих мы не трОгаем. Если нужнО защитим. А Вы вОевали?», - уточнил он и бережно дотронулся рукой до орденских планок на папином пиджаке. Чай закипел, и папа предложил всем перекусить. Перекусить было чем: домашняя курица, пол-литровая баночка с маминими огурчиками, «домашняя» колбаса, которая в то время продавалась «дома», только, в буфете железнодорожного вокзала. Бабушка положила домашние пирожки. Удалось довезти груши, сливы, которые в Костроме почитались за деликатес. «Ну, мОжет сын-тО схОдит пО такому случаю, да и пОлОженО за знакОмствО», - обратился Юра к отцу. Я знал, что у папы припасена бутылка коньяку и когда вернулся с водкой, Юра и отец мирно, по-дружески, беседовали «за жизнь». Бутылка коньяку и граненые стаканы, как символ эпохи, стояли перед ними. Юра говорил, чтобы отец не беспокоился, что он гарантирует мою безопасность и приглядит, чтобы я сам «не дурил». Оказалось, что в части безопасности, - это были, далеко, не пустые слова. Папа сказал, чтобы я их с Юрой оставил, и я спустился во двор. Местные заволжские парни играли в карты. Игра называлась «Козёл». Парни сидели на столе в пол оборота друг к другу, упираясь ногами в лавки. Мы познакомились, но они моё имя уже знали. Спрашивали об Украине, как живём, что да как. Отец позвал меня с балкона. Юра собирался уходить и пожелал сделать мне последние наставления. Потом они обнялись с отцом и Юра ушёл. Переведя дух, мы вышли прогуляться по Заволжью. Рядом стоял, вполне приличный Дворец культуры, стадион «Машиностроитель» напоминал наш «Металлург», но с хорошим травяным полем. Всё было ухожено, покрашено, везде был порядок, но слава о Заволжье, как районе, где всё случается, такая слава нам была уже известна. Папа уезжал поздним вечером на следующий день, утром я проходил медосмотр, а потом мы поехали в центр, познакомиться с нашим костромскими родственниками. Папина мама, мудрая Феня Марковна, бабушка Феня, уверенная, что родственники не чужие люди, - отписала в Кострому, каким-то Гитиным, о нашем приезде, полагая, что родство мне будет и полезным и приятным. Мы разыскали «хрущёвку» наших родственников. Нас спросили, кто мы будем, а, ну заходите. Зашли: дым коромыслом, на столе казанок с картошкой, водка, ещё что-то по очень «бюджетному варианту», народ играет в карточного «козла». Точно не припомню, но это какой-то вариант, известного в моём дворе «Коробочке», - т.н. «Петуха», когда взятка берётся картой старшей по масти или «козырём». Короче – не до нас было. Перебросились парой-тройкой слов. Представляете, - все местные Гитины «Окают», кошмар какой-то, приглашали захОдить. Отбыли мы с папой от рОдичей минут через тридцать. Мы оба были, некоторым образом, ошарашены нашим визитом к Гитиным костромского разлива, отошли от дома, переглянулись и, не сговариваясь, расхохотались. И вот в таком приподнятом настроении мы отправились бродить по красавице Костроме. Побывали в центре, посмотрели магазины с богатым выбором промтоваров в знаменитых «Торговых рядах». Папа долго приходил в себя после посещения автомагазина. Там, в отличие от наших реалий, было всё, что пожелает душа автолюбителя. Тут же, было принято решение, что я буду получать списки необходимых ему авто деталей, почтовые переводы , так сказать, «предоплату», - и наша папина машина заживёт новой, ранее неведомой для неё, жизнью. Понравились продуктовые магазины, в которых, действительно, не было колбасы, но были громадные «красивые»

утки местного производителя. Утки продавались и на каждом углу с открытых прилавков. На рынке около завода, у бабушек, - можно было купить жареную утку целиком или на развес. В мясных лабазах на крючках висело сортовое мясо. В каждом магазине русские пирОгИ: с ягОдОй, с рыбОй, с СырОм. Рыбы тоже, какой хочешь, - завались. Виноградом «Дамские пальчики», очевидно при этом имелся в виду большой палец женской ножки, буквально, был завален весь город по цене 80 копеек или один рубль за килограмм. Люди улыбчивые. От женщин, действительно, тесновато. Пыли, графита - нет, много зелени. Волга - в центре города, чистота, театральные афиши московских театров, афиши «Югов», так называли мастеров эстрады из Югославии. Фантастика!
Я проводил отца. На душе было так, как обычно бывает, когда расстаёшься с родными людьми, когда понимаешь, что расстаешься с юностью, а впереди тебя ждёт новая неизвестная жизнь. Вот в таком меланхолическом настроении я вернулся домой, а в комнате уже накрывали очень серьёзный стол, вновь прибывшие молодые инженеры-сварщики из славного города Горловки: Фима Берман и Вася Тарарохин. Они, «Донецкие», - думали, что едут в голодный край, да и у нас дома, тоже, все так считали. И вот, как результат, стол ломился от потрясающих воображение, мясных блюд домашнего изготовления. Слюнки текли при виде большого куска сала с прорезью, домашних пирогов, овощей и солений, привезенных из Украины. В центре стола стоял бутыль с самогоном, а пару-тройку бутылок с этим легендарным напитком, ребята запихнули в шкаф. Если честно, - то у нас дома так не готовили, самогон не пили, а я, вообще, к спиртному не был приучен. Никогда не отказывался, но одной-двух рюмок коньяку на вечер мне, вполне, хватало. Фима принёс с первого этажа, из кухни, громадную сковородку с только что пожаренной, с участием «мамы», картошкой и мы начали знакомиться. Я зашёл к «маме», пригласил её, и она ОхОтнО, согласилась, пришла нарядная и весёлая. Заходили к нам соседи, приехавшие на усиление экономического пула завода, но всё съесть и выпить в тот вечер не удалось, хватило донбасских харчей ещё на пару-тройку дней. Мне мои ребята понравились сразу же. Завязалась беседа, которой не было конца, и мы укладывались спать в прекрасном настроении. Утром Вася и Фима продолжили оформление, а я первый раз в жизни вышел на работу на восемь утра. Отдел главного сварщика занимал три помещения. В одной большой аудитории работали технологи и конструктор. Из этого помещения с одного из торцов, был вход в кабинет Главного сварщика, а с противоположного торца была дверь на лестничную площадку, с которой, ты попадал в небольшое помещение, весьма скромной по оснащённости, лаборатории сварки. Инженеры были молодыми людьми, встретили меня очень приветливо. Очевидно, после утреннего рапорта, в отдел вошёл Главный сварщик, поздоровался со всеми, прошёл к себе в кабинет. К нему потянулся народ с разными бумагами. А я осваивал, свой теперь, письменный стол. В динамике что-то щёлкнуло, и я услышал: «Юрий МихайлОвич, зайди кО мне!». Мы виделись уже второй раз. Евгений Дмитриевич Сафронов был обаятельным, умным человеком, профессионалом высокой пробы. Ему было за пятьдесят. В первой нашей беседе он интересовался, где работает отец, спрашивал о нашей семье, о моих намерениях в отношении работы на заводе. Я был настроен жить и работать в Костроме, мне тут всё, решительно всё, на первом этапе, - нравилось. Евгений Дмитриевич пожелал мне успеха и дал первое задание: разработать

технологический процесс изготовления стальных, наружных лестниц, (всё пакетовкой, т.е. закладные, площадки, лестничные марши, перила - отдельно), для строящегося нового заводского девятиэтажного дома. Я сел за стол, передо мной была пачка чертежей, бланки технологических карт я получил у секретаря отдела, срок исполнения работы не более двух недель. Подошли коллеги Леша и Валя, дали несколько дельных советов. Технологию нужно было писать пооперационную для заготовительных, сборочных и сварочных работ. Такая работа требует знаний по организации и технической оснащённости конкретного производства, скрупулёзного анализа и подробного описания применяемой оснастки, содержания и последовательности производимых работ и такого уровня инженерной подготовки, которого у меня не было. Писать техпроцесс нас не учили, не учат этому студентов и сегодня, а это, как раз то, что нужно щёлкать, как семечки. Но в цехе уже был заказ, лестницы нужны были срочно и их начали изготавливать, как это и бывает зачастую, - без бумаг. Лёша, по моей просьбе, представил меня начальнику цеха и мы договорились, что я буду одновременно учиться прямо в цехе и писать техпроцесс. Мне было очень интересно, я оставался в цехе и после работы со второй сменой, познакомился с мастерами, крановщицами. На «ножах» и гибочном прессе работали ребята из нашего общежития, а среди электросварщиц, я узнал несколько девушек с нашей улицы. Лестницы - работа плохая, возни много, а веса – нет. Да и основная работа – металлоконструкции узлов рамы, стрелы экскаватора, так, что несколько раз даже бегал к мастерам с просьбой «пропустить по обработке», вне очереди, детали лестниц. Надо мной посмеивались: «Ишь, какОй делОвОй!». Карточки заполнял дома, сидя за нашим круглым столом при поддержке Фимы и Васи. По предложению Вали, я познакомился с цеховой нормировщицей, они были подруги, и я получил от неё много полезной информации по правильному заполнению технологических карт. Техпроцесс передавался ей для определения норм выработки, разряда работ и расценок. Две недели пролетели со свистом, как потом на Кольском, над головой пролетали СУ-7Б. Вася и Фима писали схожие техпроцессы, мы консультировали друг друга, а нам помогал весь отдел. Когда я сдавал работу Евгению Дмитриевичу, мы уже обсуждали с ним вопросы состояния кузнечно-прессового и сварочного оборудования, проблемы нерегулярной поставки CO_2, низкое качество спецодежды сварщиков. Возвращались в тот вечер с работы, практически, всем отделом, вместе, и горячо обсуждали наши проблемы. Валя у нас была активисткой, профгруппоргом, корреспондентом заводской многотиражки и далее по хорошо известному после «Кавказской пленницы» тексту, особенно в части «…и, наконец, просто красивая девушка!». «Но была замужней», - горевал Тарарохин. На другой день Валя предложила мне написать статью в заводскую многотиражку и приподнять некоторые проблемные вопросы. Я зашёл к начальнику цеха, он сказал: «Пиши! Ты человек новый, вдруг услышат», главный усмехнулся и тоже дал добро. Через несколько дней в нашей многотиражке появилась передовая статья с названием «Голубые огоньки», фамилия автора мне была знакома, название придумал не я, так решили в редакции. В статье, как всегда, досталось снабженцам, энергетикам, ремонтникам и цеху. Роль отдела Главного сварщика была наполнена высоким конструктивизмом и неиссякаемым оптимизмом. Много говорилось об уровне механизации и планах развития сварочных технологий на

заводе. Удачно сдали свои первые техпроцессы Вася и Фима. Народ в отделе, вполне справедливо, затребовал отметить начало трудовой деятельности молодых специалистов, журналистов, футболистов и пр. …истов «С Украины». И в тот же вечер Фима, Вася и я принимали за нашим большим круглым столом первых дорогих гостей. Это был потрясающий вечер, собрался практически весь отдел. Валя пришла с мужем, а муж, мастер на покраске, - принёс гитару. По дороге прикупили, в т.ч. закусить, и торт. Пели под гитару разные песни. «Русакам» очень нравились песни на украинском языке. Тогда, только, что появилась «Червона рута» и когда мы провожали под неё гостей, девчонки из общежития напротив, подпевали нам со своих балконов. Теперь по пятницам, по поводу и без повода, к нам стремились попасть в гости наши отделовские коллеги, прихватывая с собой друзей. Я напел им, как мог, наши шуточные песни студенческой поры: «Батальонный разведчик», «Я – футболистка», «Я встретил даму в первый раз…», «В Москве в отдалённом районе, - в штанах», «У тебя три рубля, у меня три рубля», песню о нашем Днепродзержинске, «Прощай ДИИ».

Работа всё больше увлекала. В лабораторию привезли новенький, знаменитый в мире сварщиков, сварочный трактор ТС-17, и нам троим, поручили отработать режимы сварки под флюсом поясных швов двутавровых балочек рамы платформы экскаватора. Мы увлечённо приступили к работам. Помню, тащил мешок с флюсом просто на плечах от цеха до нашей лаборатории на втором этаже. Стальные полосы также таскали в лабораторию на руках. Варили «в лодочку», все полосы для сборки, сверкали белизной после обязательной «дробеструйки», мы ж на половину - оборонка. Вари и радуйся. За неделю задание Дмитриевича было готово, макрошлифы радовали глубиной провара и симметричностью сварных швов, и мы передали трактор в цех, для внедрения. Как это не удивительно, но доставка CO_2 нормализовалась и в цехе посмеивались, о чём бы ещё хохлам написать, чтоб порядку больше было. Оклад у меня был сто рублей, но плюс премии за экспорт, за уровень механизации, за снижение трудоёмкости, за уровень выполнения плана, премия по новой технике, - доходило до 150, а один раз до 170 рублей. Всё было нормально, мы буквально летели на работу. А после работы стали появляться новые дела, увлечения, но сил было в избытке и их хватало на всё. Футбольная команда завода, получив вливание свежей крови от украинского «Буревестника», со скрипом, начала подъём по турнирной лестнице. С командой я объехал и увидел много городков, прилегающих к Костроме. Деревянные дома, деревенский уклад, асфальт, где-нибудь около горсовета, разбитые дороги, но почти в каждом городке был свой действующий театр. В этих городках жили, в основном, ткачихи, - и именно они, крепкие, здоровые барышни, обделённые мужским вниманием, ходили на свой маленький стадион - «бОлеть за свОих!». В командах ткацких комбинатов были на первых ролях полупрофессиональные футболисты, - в Москве их пруд пруди и игра была их заработком. Платили им за триста, плюс питание, премиальные и попробуй у них выиграть. В Нерехте мы, уже в усиленном составе, нарвались на такую компанию. Ещё на разминке стало ясно, что на другой половине поля очень серьёзные люди. Барышни, приняв на грудь, никак не меньше стакана, и это в тех местах - норма, шумно поддерживали своих, любимчиков. При любом столкновении в единоборствах, они кровожадно кричали: «НапОддай Яму!», имея в виду за «Яго», кого-то из игроков команды соперников. Я стал их личным врагом,

когда пару раз парировал мячи, летевшие в наши ворота. Теперь я выбивал мяч с руки под дружный крик местных красавиц: «И-и-и… Э-Эх!». Они, лапочки, думали, что мне так будет сложнее. Во втором тайме за моими воротами, метрах в десяти от поля, стали собираться болельщицы, там начали продавать вино на разлив. Я был тогда лохматый, чёрный, вратарская игра требует от вратаря громких команд, подсказок защитникам и они решили, что я кавказец. Кричали мне «Ара – Ара! У-у-у, чёрт нерусскАй! Вот пОгОди-и-и!». Я в ответ обещал после игры жениться. Не сработало, - и в меня стали бросать комки земли. В той игре все были против нас,…и судьи тоже. Получили мы четыре «сухих», как тогда говорили, «банки». Наш «Пазик» выезжал со стадиона под радостное улюлюканье, и свист феминизированной торсиды славного города Нерехты. Эти же женщины, я сам это видел, могли быть совершенно другими: сердобольными, жалостливыми, сказочно красивыми, - но об этом потом.

Когда игры проходили в Костроме, наш стадиончик, до отказа заполнялся «заволжскими», они рьяно нас поддерживали и мы играли не жалея себя, медленно подымаясь вверх по турнирной таблице. Конечно, получали талоны на питание – 15 рублей за два дня. Зарплату за пропущенные из-за футбола рабочие дни (один - два дня в неделю) - платили, Премиальными за выигрыш, за «ничеечку» на выезде, нас тоже не обделяли, появились деньги, жизнь налаживалась. Местные босяки нас знали, Юрины наставления выполнялись, и мы здоровались с ними, могли поговорить о футболе, да мало ли ещё о чём говорят добрые соседи.

Фима оказался серьёзным преферансистом, но и я и Вася в «Преф» не играли и Фима, мгновенно, освоил карточного «Козла», часто спускался во двор к столикам поиграть с «заволжскими» в карты на деньги. Фиму народ зауважал, он не проигрывал, меньше десятки не выигрывал, и мы начали выезжать по вечерам в центр знакомиться с Костромой. Происходило всё это так. По субботам мы несколько раз выходили на пляж, всё рядом с общагой. Чистый песчаный пологий берег. Вода тоже чистая. Кто хочет, пожалуйста, - пиво на разлив, тарань продаётся, киоски работают.



Сегодня Заволжье не узнать, а пляж узнаваем.

Пиво в Костроме особенное. Вода тут мягкая и чехи поставили первый пивоваренный завод, ещё в середине девятнадцатого века. «Патоновцы», кстати, костромское пиво всегда хвалили. Мы прихватывали с собой мяч, играли в волейбол, а обедать шли в нашу, рядом с общагой, столовую. Как-то я оказался за столом один. Ко мне подошла настоящая заволжская красавица. Спросила разрешения, присела. Она сказала, что живёт в общежитии напротив, что знает, как зовут меня и моих друзей, что они с подругами наблюдают за нами. Удивилась, что у нас нет девушек, сказала, что ходит болеть за заводскую команду, работает разметчицей, и девушки из их общежития хотят ближе с нами, парнями из Украины, познакомиться. Барышня была хороша по всем статьям, статная, белолицая, улыбчивая, в летнем открытом платье. В мою молодую голову стали закрадываться вполне конкретные, безусловно, с учётом интересов моих друзей, наполненные здоровым оптимизмом, мысли. Но было, было одно обстоятельство, о котором следует рассказать. Юра - Заволжский дал при отце один дельный совет, или наказ, который касался местных барышень. В вольном изложении совет заключался в том, что с заволжскими «девками», так он их называл, нам приезжим, - лучше не знакомиться. «Девки», расписаны между местными парнями. Даже если они не встречаются, даже если она о нём ничего не знает, лучше по отношению к этим девушкам оставаться индифферентными, потому, что крупных неприятностей, а то и расправы - не избежать, а уследить за всем, даже Юра, может не «пОспеть». Чтобы понять, что нравы в Заволжье были суровыми, предлагаю читателю дивную зарисовку традиционного субботнего утра. Что ни будь, в семь тридцать - стук в двери, открываю. Стоит кто-то из жильцов общаги и с радостной улыбкой вопрошает: «Перемахнуться не желаетЯ?». Это означает, что минут через тридцать на баскетбольной площадке во дворе общежития, - состоится кулачный бой наших с бойцами Заволжья. Мы вежливо отказывались. Дескать, спасибо! Мы уж, как-то так, - перебудем. Любители подобных ристалищ сходились со всего района. Они выстраивались под баскетбольными щитами, обменивались воинственными криками и устремлялись навстречу друг другу. Дрались только на кулаках. Минут через пятнадцать, частично утолив голод на приключения выходного дня, со смешками, как будто никакой драки и не было, бойцы мирно умывались холодной водой из колонки и рассаживались резаться в «Козла». Нам рассказывали, что на Ярославский тракт, очень серьёзные люди, ходят биться кольями. Освободившееся после побоища место на площадке, занимали «хохлы» из сборной завода. Без криков и драк мы мирно играли в квадратик или в «дыр-дыр». «Хохлами» в Союзе называли, да и по сей день кличут киевское «Динамо». Вот, как, называя нас «хохлами», высоко ценили нашу игру, крутые заволжские парни, а может быть, они имели в виду, что-то другое. Наставления Юры-Заволжского я не забыл. Вежливо поговорил с девушкой, о чём-то пошутили и вышли вместе из столовой: она в своё общежитие, я в своё. Но кто-то, что-то видел. В воскресенье утром мы завтракали и в девять пятнадцать начинали прослушивание радиопередачи «С добрым утром!». Эта передача, «Литературная газета», газета «Социалистическая индустрия», журналы «Наука и жизнь», «Техника молодёжи» и что-то ещё, не вспомню, входили в обязательный джентльменский набор, не пользуясь которым, - можно было в любой беседе оказаться в

неловком положении. В десять часов с минутами мы выходили во двор поиграть часок всё в тот же «дыр-дыр» - четыре на четыре. Компанию нам, обычно, составляли наши же ребята, как правило, молодые специалисты «с Украины», из соседних комнат нашего общежития. Заволжские, тут же на столиках, впрочем, как и всегда, играли в карты, подшучивая над нами. Идиллия, да и только. После футбола мы компанией, человек десять, отправлялись на троллейбусе в центр. Троллейбус довозил нас до филармонии, в помещении которой была кулинария. Стоило только выйти на остановке, и голова начинала кружиться, от аромата свежей выпечки. Громадные куски вкуснейших, свежеиспеченных пирогов, девушки-официантки вывозили на блестящих тележках, прямо во двор филармонии. На верхней полке тележки, - были уложены пироги, на нижней, - дымились полулитровые чашки кофе с молоком. Тут же стояли высокие, на четверых, - круглые высокие столики. Народ всё подходил, подходил, а пироги и кофе не заканчивались. Потом мы пешком, всей компанией направлялись в баню. Баня стоила 20коп, – парься, сколько хочешь. Простыни, полотенца, вьетнамки – всё по той же цене. Веник, перед баней у бабушек, – 50 копеек, цены, как и в Днепродзержинске. Парные в России отличаются от тех, которые я посещал в украинских городах. Электросушилок, по недоразумению, названных «саунами», тогда ещё не знали. Баню топили дровами. Парная была высокой, до пяти, а то и выше метров. Вдоль боковой стены, парильщики поднимались, на нужный парильщику «полОк», по деревянной лестнице с дервянными перилами. В нижней части парилки – арочный открытый свод печи с булыжниками, на которые плещут воду, «поддают жару». Высокая парилка, - это очень правильно. Вверху «собирается чистый, сухой, как его ещё называют, - щедрый жар». Парная, «в процессе» , - не вентилируется, и выдыхаемый парильщиками, углекислый газ, а он тяжелее воздуха, - оседает внизу. У нас, сегодня, - все парные низкие, строятся на два-три полкА, и мы дышим не таким чистым воздухом, как в традиционной русской бане. Распаренные, в благостном настроении, мы, разделившись на группы по интересам, направлялись покорять вечернюю Кострому. Облюбовали для себя два заведения: ресторан «Центральный», и расположенное рядом, кафе-стекляшку «Веснянка». Ресторан мы решили зарезервировать на зиму. В кафе нам очень нравилось «мясо по-деревенски» в глиняных горшочках, блин уложен сверху, а к мясу, для колорита, мы заказывали рябиновую настойку - 34^0. В кафе играл ансамбль, всё было очень прилично. В ряде случаев, и не только после бани, мы направлялись в Костромской театр, посмотреть МХАТ, театр на Таганке, Малый, ленинградские театры, концерты «демократов». Билеты в отделе распространяла Валя. Когда я по телефону рассказывал об этом моим знакомым в Москве или Днепродзержинске, - люди отказывались верить и откровенно завидовали нам. Однажды в кафе я увидел симпатичную беленькую девушку. Она пришла в компании со своими друзьями. Знаете, как это бывает, - вот и я всё время смотрел в её сторону. Наши взгляды встретились, и я кивнул в сторону танцевального пятачка. Девушка улыбнулась, и я поспешил пригласить её на танец, а после вечера в кафе, пошёл её провожать. Звали её Люба, славная девушка и мне было очень легко говорить с ней. Конечно, Люба получила приглашение к нам в гости и предложила, что придёт, но с подругой. Предложение было принято тут же и с энтузиазмом. Теперь нас стало пятеро. Люба после «торгового», тоже по направлению, работала завучем учебного комбината

питания ОРСа, на одной из ткацких фабрик. Нина, так звали подругу Любы, работала там же. Мама Любы была, на минуточку, директором, уже упоминавшегося, ресторана «Центральный». Наша жизнь претерпела заметные, и чего греха таить, ободряющие изменения, в том числе, в части питания, что, безусловно, было связано с характером работы девушек, прежде всего, Любы. Фима, практически еженедельно, покупал талоны на почте и звонил с нашего общежитского телефона, по межгороду, в родную Горловку своей невесте, девушки его на том этапе – не интересовали. А вот между Ниной и Васей, говоря на языке сварщиков, возбудилась дуга, и пошёл некий процесс. Сразу же оговорюсь, что наши отношения с барышнями складывались, во многом, по инициативе Любы, на некой акцентированной, пуританской, платонической основе. Это не было ханжеством. Возможно, если бы не бригадный способ жизни кавалеров, не наставления мам девушек, - темпы и характер построения наших романтических отношений были бы иными и в большей степени соответствовали стремительному двадцатому веку. Но Люба мне очень нравилась, я ждал наших встреч, а надежды, как известно, - «юношей питают». Мы встречали наших подружек на троллейбусном кольце, благо до общаги было недалеко, и не без труда тащили домой, наполненные провизией, рыбными и мясными деликатесами неподъёмные сумки. Как говорил вождь всех времён и народов: «Жить стало лучше, жить стало веселее!». Валя, «по профсоюзной линии» постоянно обеспечивала нас билетами в театр и на концерты. Если, откровенно, - то и мы её всегда выручали, но, иногда, когда достать билеты было сложно, - мы знали, что пять билетов, скажем на МХАТ, - нам гарантированы. Общение с эффектными девушками поддерживало, необходимый молодым специалистам, жизненный тонус и было, как помнится, - обоюдно приятным.

Утром в пятницу Сафронов объявил, что вся наша троица, плюс три сотрудника ОГМ выезжают, точнее, вылетают, согласно разнарядке, на неделю, в подшефный совхоз «Свобода». Помощь селу, поездки «в колхоз» были в те годы обязательными ритуальными танцами для администрации, партийной, профсоюзной и комсомольской организаций всех, без исключения, предприятий и учреждений Союза. Для непосредственных участников таких поездок, по молодости лет, – эти мероприятия проходили и весело и с ощутимой пользой, как, например, в части формирования наших зимних запасов картошки. Мы получили со склада завода новые резиновые сапоги. Подобрали, из наличия, на вешалке в лаборатории сварки, вполне приличные фуфайки, в которых зимой сотрудники отдела выходят в цехи, оформили командировки и в специальной кассе завода нам были выданы билеты на самолёт. В дополнение к официальному инструктажу, каждый сотрудник отдела, провёл для нас свой личный инструктаж по особенностям предстоящей «рыбалки». Постоянно звучала тема любвеобильных доярок, о которых, игриво подмигивая, говорили, практически все коллеги, вне зависимости от пола. Выходные, перед столь ответственной командировкой, были наполнены футболом, баней, культурными мероприятиями и ужином в компании с нашими очаровательными подружками. Даже от них мы получили наставления по части увлечения доярками. Сразу же скажу, что до доярок, дело в известном смысле, не дошло и мы доярок, всецело отдавшись помощи селу, не встречали и, слава Богу.

Рано утром, мы: пятеро парней и одна девушка, уже были в Аэропорту и когда объявили

наш рейс прошли к самолёту. До этого я уже летал на самолётах, но это были всемирно известные, краса и гордость Аэрофлота, - лайнеры: АН-10, ТУ-134, наконец, АН-24. Пассажиров к ним везли, на каких-то необычных автобусах, на городских улицах таких не было. А тут, чуть ли не у входа в здание Аэропорта, стоял, слегка задрав вверх пропеллер, зеленый, чем-то похожий на кузнечика, известный под кодовыми народными прозвищами «этажерка, кукурузник», - видавший виды АН-2.
Но перед самолётом, как успокоительная таблетка, стояла, по-утреннему свежая барышня в приталенной лётной форме. Она проверяла билеты с улыбкой кинозвезды, и под комментарии некоторых, нервно острящих пассажиров, выдавала им и тем, кто напряжённо молчал, бумажные пакетики, о назначении которых народ, судя по всему, знал. Пассажиры заходили в самолёт и рассаживались на жёстких скамейках, которые, были закреплены вдоль бортов с окошками. В самолёт помещались десять – двенадцать человек.



Вот на таком «кукурузнике», но тогда зелёного цвета, как на автобусе, люди передвигались в Костромской области от городка к городку, от деревни к деревне.

По виду – это были деревенские жители, которые после выходных, возможно проведенных у родственников, возвращались домой с доверху набитыми покупками сумками. Мы же, за исключением девушки из ОГМ, своим внешним видом, скорее напоминали бригаду лихих шабашников, чем шефов, оставивших, на целую неделю, родной завод, - ради помощи селу. Пилоты, опять же в форме, прошли в кабину и «Аннушка», так ещё называли этот самолёт, взяла курс на древний Солигалич. Нам предстояло пролететь километров триста в северном направлении от Костромы. Высота полёта - две, две с половиной тысячи метров, - позволяла хорошо видеть землю, а там, как в песне: «Кругом всё леса да болота…», от себя добавлю: и речки.

Контекст слова «…болота», открылся мне только сейчас, понадобилось каких-то сорок два года, и связан с некоторыми, приятно волнующими событиями последних месяцев, уходящего года. Наш самолётик летел в штатном режиме, то сваливаясь в какие-то воздушные ямы, то поднатужившись, выбираясь из них. В тех краях, в центре России, АН-2 - были просто незаменимы. Простые аэродромы с металлическим покрытием, нам рассказывали, что их получали от американцев, ещё в военные годы по ленд-лизу, - были устроены, практически, в каждом районном центре. Там на автобусе не всегда проедешь, и когда мы прилетели, то я увидел картинку для Украины необычную. Всё напоминало районный автовокзал. Пассажиры с необъятным багажом прибывали и убывали с завидной точностью, - этакая, по Стругацким, «нуль-транспортировка». Вот и мы, только вышли из самолёта, некоторые, истины ради, – выползли, - а на посадку уже заходил очередной «кукурузник». За нами приехали, нас ждали. Был подан колёсный трактор с двухосным прицепом, пол которого накрыли толстым слоем свежего сена, и я с удовольствием растянулся на нём во весь рост. Конечной целью нашей поездки была деревня с дивным названием – Зашугомье, в двадцати пяти километрах от Солигалича. Я воспринимал это название, Зашугомье, как характеристику места, весьма удалённого. Конечно, всё было по-другому. Этимология слова, означающего название деревни, была связана с богатой историей этих мест, но, по сути, - я был прав. Я лежал на соломенном матраце тракторного прицепа и смотрел в голубое, без единого облачка, бездонное небо. Под небом были видны верхушки прямых, как мачты корабля, сосен, высотою с пятиэтажный дом. Мы двигались вперёд, а сосны оставались на своих местах.





Сегодня часть дороги от Солигалича до Зашугомья, - просто радует глаз

Те, из наших ребят, кто сидел в кузове прицепа, громко читали надписи на табличках вдоль дороги: «Проход запрещён; закрытая зона» и прочие запреты, которые так любят вывешивать военные во всём мире. Шум, работающего тракторного двигателя, ненавязчивый аромат солярки, пьянящий, как принято, не без оснований говорить, запах свежего сена, резвые прыжки, радостно откликавшегося на неровности просёлочной дороги тракторного прицепа, по сравнению с которыми, болтанка в АН-2 казалась, просто танцевальными «Па», - всё это свидетельствовало о том, что мы едем навстречу новым приключениям и это было здорово! Мой молодой здоровый организм адекватно отреагировал на особенности нашей поездки. Я проснулся от пронзительной тишины и, уже, как-то подзабытого, состояния абсолютного покоя. Наш транспорт стоял перед

деревянной избой, вывеска на которой, убеждала, что это административная изба, что она каким-то образом, «алисицитворяет» совхоз «Свобода» и, что мы, наконец, достигли цели первого этапа нашего путешествия. Я спрыгнул с прицепа и с восторгом оглядывал всё вокруг. Казалось, что это театральные декорации к какой-нибудь русской народной сказке. Зашугомье выглядело так: в деревне было около ста дворов, все избы были двухэтажные, крепкие, покосившихся – не было. В центре стояла изба, с упомянутой вывеской, рядом изба-медпункт, тоже с вывеской, в которой жила медсестра со своей семьёй, и длинная одноэтажная изба с вывеской «Клуб». В небольшом отдалении стоял, но без вывески, высокий деревянный амбар, тут же было, огороженное деревянным забором, место стоянки колёсных тракторов и прицепов, рядом стояли какие-то сараи, за ними конный двор. Место было ровное, укрытое травяным покровом спорыша так, что земли не было видно. Невысокий от природы, густо растущий, практически, не требующий стрижки и ухода спорыш, по-моему, заслуживает внимания специалистов по футбольным и другим спортивным полям. Вокруг центра деревни расположились избы жителей Зашугомья, далее вдоль, подступившего к деревне леса, протекала речка с чистой ледяной водой. Речка была шириной метров семь и глубиной миллиметров семьсот. Колодцев в деревне, я не запомнил, а вот женщин, помоложе, естественно, несущих вёдра на коромысле от речушки до избы, – помню. Хорошо шли!
На пагорбе, над деревней высилась белоснежная звонница, рядом стояла, хорошо сохранившаяся, церковь с маковками куполов. Мы заходили с ребятами в помещение церкви. Степень сохранности всей этой красоты, удивительно, была достаточно высокой, - но всё было заброшено, многое порушено. Кто, когда и как завёз сюда материалы, специалистов и построил это белокаменное чудо в лесах центральной России, для меня остаётся загадкой. По-моему, тут сокрыт фантастический сюжет для «убойных» триллера или романа.




За сорок два года тут мало, что изменилось. Но, согласитесь: «….здесь Русью пахнет!.

Рядом с церковным каменным забором была расположена одноэтажная школа-семилетка, а вот о церковном заборе - пару слов отдельно. Забор был выстроен так, что в нём располагался магазин. Возможно в прошлые, не побоюсь этого слова, - века, в этом помещении находились какие-то церковные службы, а теперь, выражаясь уже, привычным для нас сегодня языком, - там был «Деревенский супермаркет».
В магазине продавалось всё, что могло понадобиться жителю деревни.

На прилавке, вперемежку, напоминая сегодняшние рынки, «лежали»: лошадиная сбруя, мыло, гвозди, дёготь, сапоги, консервы, селёдка, конфеты «подушечка», одежда и прочие товары. Жители свободного Зашугомья, напоминаю, совхоз назывался «Свобода!», отдавали предпочтение одному товару. Это был сорока двух градусный напиток тёмного цвета, напоминавший, хорошо известную в наших краях «Зубровку». На бутылках белела наклейка, на которой, без лишних затей, в виде каких-то информационных надписей, расположился чёрный, свирепого вида бык. Покупатели, обращаясь к продавцу, твердили, как пароль: «Дай быка!». Мы тоже отоварились «Быком» и нас, пришлых, проинформировали: «У нас, кто не пьёт, тот - жаднАй!». Нам сразу же выдали продукты и выделили на мясо, - жутковатая история, двух ягнят. Разместили шефов на постой по избам. Мы с Васей попали в избу на краю деревни, метрах в ста от речки. Фима и двое ребят из ОГМ поселились в соседней избе, девушку-механика определили нашей «поварихой» и она жила в центре деревни. Там она и готовила нам пропитание. Перед избой стояли столы, и мы ходили туда стОлОваться. Получалось два раза в день: утром молоко из бидона со свежим хлебом и вечером ужин. Днём нас увозили на работы, и мы, либо брали провизию с собой, либо нас кормили в полях заботливые крестьяне. Пожить в русской избе для меня было настоящей экзотикой. Изба – сооружение непростое, функциональное, даром, что из дерева и некрашеная, – строится на века. Наша изба, впрочем, как и другие избы, стояла на деревянных столбах-сваях, и была устроена следующим образом. На уровне земли (на нулевой отметке), посередине длинной стены дома, были устроены для выгона скота двухстворчатые ворота нижнего этажа, - чулана. Там, прямо под жилыми помещениями, держали корову, телёнка, свинью и овец, хранили картошку и часть дров на зиму. Нижний этаж был высоким, речушка по весне разливалась почти до избы. Ну и крыльцо тоже было высоким, выше человеческого роста и мы несколько раз сидели на нём с хозяевами и беседовали «за жизнь». Наши хозяева, «старики», как мы их называли, были приветливыми и добрыми людьми. Двое приличных молодых ребят в доме, безусловно, были им в радость. Всё, что связано с Украиной, было им интересно: и какой у нас город, и кто наши родители, и так ли вкусны вареники с вишнями, правда ли, что фруктовые деревья, вишни, груши, абрикосы, мою любимую шелковицу они называли «тутовник», - растут просто на улицах. Какие девки краше: ДнепродзержинскиЕ или КостромскиЯ? Хозяин дома часто повторял: «У Вас лОпату в землю вОткни, - дерево вырастет». Спрашивали перевод русских слов на украинский и мы, порой, вместе хохотали от, нами же произнесенного. Бабуля всё время предлагала нам щи и незаменимую картошку с мясом. Старики за избой, со стороны речки, держали улья и вечером к чаю на травах, ставили тарелку с мёдом и сотами - «воском». Я такого лакомства никогда не пробовал, а вкусно! Макнёшь кусок воска в мёд, отправляешь его в рот и долго наслаждаешься волшебным вкусом, смакуя и перекатывая от щеки к щеке то ли ириску, то ли ароматное подобие жевательной резинки. Мы с Васей старались помочь старикам по хозяйству: закончили пилить и колоть дрова на зиму, таскали воду из речки, когда от совхоза привезли картошку, - заполнили ею ларь в чулане, делали нехитрые покупки «в дом», пару раз приносили «Быка». Дед курил только свой табак. Он крутил козью ножку из, аккуратно нарезанных из «Правды», листков газетной бумаги. Чтобы «самокрутка» не

развалилась, обильно слюнил её, засыпал самосад и раскуривал козью ножку, как Сталин или Черчилль трубку. У меня было устойчивое мнение, что самосад, до слёз крепок, «продирает до пяток» и я, поначалу, огорчая деда, отказывался от его табака. Но «Столичные» быстро закончились, в магазине продавалась какая-то гадость, и я закурил дедов табак. Господа, я не курю тридцать лет, но поверьте, что самосад из Зашугомья – это бомба! Ароматный самосад , мягко кружил голову, располагал к беседе. В набитой доверху козьей ножке, он – самосад, являл собой колоритный, успешный пример сохранённых народных традиций, народной культуры, народного творчества, и в те годы, на мой взгляд, незаслуженно, был вытеснен болгарскими, молдавскими и другими сигаретами и кубинским табаком. Когда мы уезжали, старик подарил мне кисет с самосадом и нарезанные газетные листы. Поверьте, для меня это очень трогательные воспоминания. Но самым главным для нас аттракционом в избе, была русская печь. За крыльцом, уже в доме, были ещё две-три ступеньки, и ты попадал в помещение, в котором стояла печь с лежанкой. Перед печью висели, стояли на лавке различные чугунки, сковороды, ухваты, кочерги и другой «профессиональный шанцевый инструмент» пользователя печью. Лежанка, во всю ширину печи, была пристроена сбоку от неё, и залазить туда нужно было по наклонной приставной лестнице. Мы с Васей получили разрешение хозяев «спать на печи!», ночи уже были холодными и то ли «с устатку», то ли по молодости лет, но засыпали мгновенно, спали крепко, а утром были бодры и наполнены энергией. В первый вечер мы поужинали с хозяевами, выпили по паре рюмочек «Быка», наговорились с ними, и впервые в жизни, - заснули «на печи». Нас ждал трудовой день.

Утром, во вторник, Фима, Вася, я и двое ребят из ОГМ были направлены подсобными рабочими на объект, который называли то ли «лесорамой», то ли «пилорамой». Работа была пыльной, тяжёлой, но понятной. Орудуя деревянными, толщиной с руку кольями, мы скатывали деревянный кругляк длиною шесть метров и диаметром до пятисот миллиметров со складского места на специальные две тележки с металлическими ограничителями, чтобы бревно не перевалилось с тележки на пол. Потом по команде специалиста «лесопилорамы»: «Дай-дай! Дай-дай! Дай-дай! Стоп!!!», мы толкали бревно, обречённо лежащее на двух тележках, под, сверкающую, приобретенной в процессе порезки полировкой, дисковую пилу. Не будем подробно зацикливаться на описании техпроцесса, совершенство которого в части оснащённости оборудованием и показателей трудоёмкости вспомогательных операций, оставляло желать лучшего. Но работа кипела, доски «дюймовки» за пилой получались ровными, наши спины были мокрыми, приходила сноровка, приятно пахло сосновой стружкой. Мы шутили, кто громче визжал, - то ли пила от удовольствия, то ли брёвна от страха. Это был хороший мужской труд, возможно, первый раз в моей жизни. К сожалению, к обеду что-то «полетело», работа остановилась, и нас вернули в деревню. Тут мы получили новое задание и уже втроём отправились в амбар. Перед пандусом амбара нас ждал бортовой «Газон». Задание было таким: наполнить зерном десять мешков, отвезти и высыпать зерно в другом амбаре. Работали мы деревянными лопатами. Засыпать зерно в мешки у нас, естественно, получалось неплохо, а вот, как правильно завязать мешок, а это нужно уметь, - тут мы были в затруднении. Короче, местные опытные специалисты помогли приезжим

молодым специалистам, и мешки были готовы к отправке. И тут, молчавший до этого водитель «газона», обозначил своё присутствие и объявил, что на выполнение задания с ним едет, только один из нас. Попытки переговорить с ним, «водила», пресёк, с какой-то яростной жёсткостью и нам пришлось «бросать пальцы». Никогда не рекомендуется забывать о «еврейском счастье» и я оказался на штурманском сидении в кабине грузовика. Вдоль дороги уныло тянулись провода, на которых мирно сидели вороны. Знали бы они…. «Водила» остановился, вытащил из-за спинки сидения ружьё, и, не глуша мотор, прямо из кабины пальнул по беспечным воронам, - одна из них была, безвозвратно, потеряна для родственников. Стрелял этот малый в абсолютном молчании, метко, не проронив за всю поездку ни слова. Количество, безвинно убиенных ворон, уже приближалось к десяти и тут мы подъехали к месту назначения. Это был амбар, меньших, чем в Зашугомье размеров, но тоже с пандусом, что некоторым образом упрощало разгрузку мешков. Водила открыл амбарный замок, распахнул ворота и произнёс, что-то типа: «Давай». Уже было темно, освещения нет, разве, что звёзды да Луна. Тянуть мешки от кабины через кузов, пандус и до, насыпом лежащего зерна, – метров пятнадцать. Я спросил: «Поможешь?», вместо ответа он отвернулся, отошёл в сторону и закурил. Когда я высыпал и отряхнул десятый мешок, «великий немой» объявился в амбаре, сосчитал мешки и отнёс их в машину. Потом он навесил замок на ворота. Тут его, блин, прорвало, и он сказал, чтобы калитку я, изнутри, запер на щеколду, а то медведи по осени - шалят и, что в шесть он за мной приедет. Я вышел из амбара на пандус подождать, пока уляжется амбарная пыль. Над головой было чёрное, усыпанное звёздами небо, ярко светила Луна. Так, как в этот день, в этот вечер, я не пахал с роду-веку. Возможно, где-то, неподалеку, были волки, медведи, быки и другие представители местной фауны. Мне было - безразлично. Собрав в кулак остатки сознания, я опустил щеколду калитки, расстелил прямо на зерне свою фуфайку и провалился, в честно заработанный сон. Через мгновение в ворота уже стучали, наступило утро среды, «за мной пришли».

Нас, как хорошо зарекомендовавших себя на «лесопилораме» в качестве подсобных рабочих, в том же качестве, всех пятерых, - отправили на лесоповал. Когда мы прибыли на место вырубки, я увидел живописную картину, которая и сегодня стоит у меня перед глазами. Перед застывшим в оцепенении лесом, на земле лежали, практически без веток беззащитные, свежеповаленные деревья, высота которых достигала двадцати метров. Деревья были порезаны на брёвна длиною метров шесть. Около деревьев, осматривая результаты своей работы, расположились по пояс раздетые, крепкие мужчины с татуировками, которые свидетельствовали о жизни, полной ярких, незабываемых приключений. На невысоком холме, прямо под соснами, под небольшим углом отклонившись назад, замер мощный гусеничный трактор. На прицепе у трактора, были большие, примерно три на двенадцать метров, низкие сани, волокуши, которые слегка, тоже под небольшим углом, были приподняты и тянулись к трактору. Основная, самая тяжёлая часть работы уже была выполнена до нас, но мы с энтузиазмом взялись за дело. Стаскивали, достаточно тяжёлые ветки, в указанное нам место, что-то пилили, что-то рубили. В это время лесорубы начали укладывать брёвна на сани. Эти парни были хорошо обучены и оснащены. В руках у них были, уже хорошо известные нам, деревянные колья, «блочки», которые они на стальных тросиках крепили прямо, на стоящих рядом соснах.

На каждое бревно, ближе к торцам, набрасывали петлёй верёвки для оттяжки, чтобы приподнятое бревно было удобно уложить в нужное место на санях. Между деревьями, опять же на стальных тросах, была горизонтально натянута для вертикального перемещения брёвен, ручная рычажная лебёдка, известная каждому монтажнику, своим игривым названием «жабка». Вы только представьте себе эту работу, смысл которой состоял в том, чтобы без грузоподъёмных механизмов, на лесной опушке, с помощью ручной лебёдки и полиспастов, уложить на сани и надёжно закрепить в три – четыре ряда брёвна, вес каждого из которых составлял почти две с половиной тонны. Прошли годы и мне приходилось организовывать и руководить монтажными работами с нержавеющими ёмкостями диаметром два с половиной метра, весом до четырёх тонн в условиях, приближённых «к лесным». С помощью системы полиспастов, рычажных натяжных и стационарных ручных лебёдок, мы «затягивали» эти бочки в цех с поворотом на девяносто градусов, повторно разворачивали их в обратном направлении, перемещали на место установки, кантовали и базировали под сварку. При этом, через каждые два-три слова, с неизменным успехом, рабочими и мною, применялось дополнительное, безотказное в условия монтажа средство, под известным названием «Вашу мать!». По-другому, тогда, видимо, не получалось. Когда брёвна были аккуратно уложены и увязаны в две пачки, и можно было выезжать, выяснилось, что исчез тракторист. Пошли искать и, вскоре, вывели - вынесли из лесу, вдрызг, «в куски» пьяного механизатора. Еле ворочая языком, он клялся и божился, что всё будет «путём». Тракториста втиснули в кабину трактора, лесорубы и вспомогательные рабочие расселись на брёвнах. Быстро темнело, рабочий день близился к завершению, но меня, как-то, беспокоил некоторый уклон нашего санного поезда в сторону, противоположную движению трактора вперёд. Правда, вокруг было столько «спецов», что сказать, что-либо на этот счёт, я не решился, - а зря. Все устали и вот, наконец, мы услышали: Трах-та-ра-рах - та-ра-рах!, - завёлся двигатель трактора. Дальше всё произошло со сказочной быстротой. Полуживой от выпитой водки тракторист, резко «дал по газам», сани рванулись за трактором через холмик, пачки брёвен вместе с пассажирами, изящно соскользнув с саней, остались на месте, но теперь уже на траве, а трактор вместе со своим непутёвым хозяином и пустыми двенадцатиметровыми санями с грохотом умчался в ночную темень. Говорили, что нашли его на другой день и не близко. Было много нервного смеха, заковыристого, забористого мата. Жалко было потраченных сил, при этом, всех радовало, что не пострадали т.н. «пасхальные принадлежности». Согласись, читатель, - если бы не этот эпизод с неудавшейся транспортировкой брёвен, то о чём бы, в части второго приключения, я вспоминал бы сегодня. Вдали виднелись огни нашей деревни, и объединённые, ставшей для всех нас, незадачливых лесорубов, общей судьбой, мы двинулись, как одинокий, отставший от роты взвод, по домам, вслед за ненормальными трактором и его незадачливым трактористом. Впереди были четверг и пятница. Внутренний голос подсказывал, что на этом приключения шефов, в Зашугомье, не закончатся. Утром в четверг Вася, Фима и я были направлены в качестве вспомогательной рабочей силы, мы к этому определению уже привыкли, на скирдование. Как водится, заняли места в тракторном прицепе. Там уже разместились деревенские женщины, было их не меньше десяти человек. Пока мы тряслись в прицепе, лучшая часть нашей бригады, с шутОчками,

да с прибаутОчками, - знакомилась с шефами. Я последний раз побрился в воскресенье утром, успел к четвергу отрастить достаточно густую чёрную бороду, был лохмат и, по словам женщин, напоминал им татарина. Вот такие я вызывал у них ассоциации, навеянные, сравнительно недавним, но, судя по всему, запомнившимся татарским игом. Спрашивали, конечно, обо всём, интересовались: «ПОчтО в клуб не ходитЯ?». Доехали мы до поля, вижу сено уже скошено, отдельные скирды уже стоят, ну и нам нужно приступать к работе. Подъехала верхом на лошади коричневого цвета, директор совхоза, женщина лет сорока пяти, в сапогах. Дала несколько распоряжений нашей бригадирше, посмотрела на нас троих, что-то она знала, усмехнулась: «Старательные рОбОтники!», - и поехала дальше по своим делам. Перед лесом стояла, почтенных лет, костлявая кобыла, с потёртой местами шкурой, запряжённая в обычную бричку, и занималась любимым делом, - лакомилась свежим сеном, которого вокруг было в избытке. Подготовительные работы заключались в необходимости выбрать подходящую сосну высотой метров пять-шесть, срубить её, правильно очистить от части веток. Некоторые ветки оставались, как «закладные» для крепления нижних снопов. Далее, нужно было «застропить» ствол сосны стальным тросом «наудав», и набросить трос на крюк под телегой, в которую и была запряжена, уже знакомая Вам кобыла. Потом дерево, прикреплённое к телеге, кобыла тащила вдоль покоса и на нём, на дереве, формировали стог. О нас, казалось, забыли. Женщины достали из телеги топоры и направились в сосняк за подходящим деревом. Делали они всё быстро, успевали при этом и шутить и отдавать команды, обеспечивающие безопасность работ. Удалили лишние ветки и позвали нас, помочь дотащить срубленную ель из лесу до телеги. И вот тащит кобыла ель, а женщины быстро и ловко, с помощью вил, укладывают снопы на ёлку, формируя стог сена. Чем выше стог, тем меньше людей участвует в его формировании. Помогают подняться наверх скирды двум, уже немолодым, но подвижным женщинам, потом остаётся одна, самая умелая. Стог нужно сформировать так, чтобы ему были нестрашны ни дождь, ни снег, ни ветер. Когда всё закончено, стог так и оставляют на срубленной ели и процесс скирдования повторяется вновь и вновь. Рядом работали другие, незнакомые нам люди из соседних деревень, но, включая извозчиков, - там тоже были, только, женщины. Если не подводит память, то в тот день нашим феминизированным отрядом были сформированы два стога. Наконец, после того, как первый стог, как крейсер «Аврора», был отбуксирован на «вечную стоянку», объявили перерыв на обед. Моё внимание привлекло то обстоятельство, что кобылу распрягли и она с видимым удовольствием, повернувшись к бричке, вкушала сено, заботливо приготовленное для неё. Кобыла производила впечатление спокойной, я бы сказал инфантильной животины, и я от избытка сил, и, как понятно мне сегодня, от очевидного недостатка ума и абсолютного безделья, решил осуществить свою давнюю мечту: прокатиться верхом на лошади. Р-раз и я на телеге. Лёгкий вратарский прыжок, и я на спине у кобылы. Первое ощущение – кобыла никогда не купалась и не пользовалась дезодорантами. Хребет кобылы с первого же мгновения создал дикий дискомфорт в зоне «фаберже». СедлА, стремян и каких-нибудь «ручек», за которые можно держаться, на кобыле не было и я, понимая, что делаю что-то не так, крепко вцепился ей в гриву. Несколько озадаченная происходящим, смущённая моими манерами, как, возможно, подумалось ей, бесцеремонностью и наглостью, - кобыла

прекратила жевать сено, отошла от брички, повернула ко мне свою голову. «А по-другому ты не мог это сделать?», - прочитал я в её бархатных глазах. Я, не мог уже никак, так плохо мне ещё никогда и нигде не было. И тут кобыла начала двигаться вперёд. Напоминаю, подо мной был только её выпирающий хребет, твёрдость которого была не ниже шестидесяти единиц по Роквеллу. Я крепче вцепился в нечесаную гриву и кобыла, восприняв мои действия, как сигнал к началу движения, начала ускоряться. Я громко подал сигнал бедствия, я взывал о помощи, и ко мне уже с хохотом бежала вся наша бригада, а впереди Фима и Вася. Кобыла не противилась, и я был счастлив, ощутив под ногами земную твердь. Когда кобыла занялась работой и по полю начала своё движение вторая скирда, я шёл рядом и подавал руками снопы на скирду. Иногда, я ловил на себе игривый взгляд кобылы, и мне казалось, что она думает: «Озорник, мальчишка, проЦивный!». Вернулись мы в четверг «на базу» рано, - к шести вечера. Как обычно умылись в нашей ледяной речке и решили после ужина пойти в клуб. Я уже рассказывал, что клуб был расположен в длинной одноэтажной избе. Вход в клуб был устроен через крытое просторное крыльцо посереди продольной стены. Вдоль стен, внутри избы, стояли деревянные лавки и стулья. На одной торцевой стене висел киноэкран, а на противоположной стене было специальное двухстворчатое окно, к которому подъезжала кинобудка с узкоплёночным аппаратом и «казала» кино. Мы зашли в клуб, поздоровались, нам отвечали громко и приветливо. Люди ждали «кинобудку», тут же висела афиша и народ, в основном женщины, пожилые люди и дети не старше четырнадцати-пятнадцати лет, коротал время в беседах и играх. Мои сверстники помнят игру, которая, в те ещё годы, называлась очень несимпатично, но говорили так: «Сыграем в «сексота»? Кстати, мой дед, как-то объяснил мне, что «сексот», - это секретный сотрудник. Игра была такой: мы «бросали на пальцах», кто будет первым, и он, первый, становился спиной к остальным игрокам. Правую руку «первый» ладонью укладывал на макушку. Вывернутую ладонью наружу левую руку, располагал под мышкой правой руки. Кто там и как расположен у него за спиной «первый» не видел. Вот по этой, вывернутой наружу ладошке, партнёр по игре наносил, порою весьма ощутимый, удар рукой. В этот момент и бьющий и все остальные участники побоища дружно сжимали кулаки с поднятым вверх пальцем и протягивали их навстречу «первому». Нужно было быстро повернуться и указать на бьющего. Угадал,- и твой обидчик становился на твоё место, не угадал, - и тебя продолжают лупить, почём зря. Эту игру в клубе знали. В центре помещения, группа молодых людей, состоящая, в основном из девочек лет четырнадцати и двух-трёх ребят, не жалея ни собственных, ни чужих ладоней упражнялась в побитии очередной жертвы. Они выбрасывали ей навстречу кулаки с поднятым вверх большим пальцем, так, как сегодня это делают во всём мире спортсмены, благодаря партнёров за пас в их сторону, судью за честность, судьбу за благосклонность. Одна, из уже знакомых нам, по сегодняшней бригаде, женщин, с улыбкой сказала: «А Вы пОштО стОите? Ты-тО» , - обратилась она ко мне, - «ОтОшёл поди? Вы ж, мОлОдые ещё. Пойдите, пОиграйте. Каку девку угадаете, ведите целОвать, у нас так завЕденО». Мы переглянулись, положение было щекотливым. Но тут кто-то объявил, что привезли кино и все засуетились, начали переставлять скамейки, стулья и протягивать по полу провод. Мы вышли из клуба, наши нравственные устои были непоколебимы, - для школьниц, мы были

уже стары. Мы шли в нашу избу, под светом звёзд, и я твёрдо знал, мне подсказывал внутренний голос, что в пятницу меня ждёт новое приключение.
Утром в пятницу наших ребят направили в Солигалич для получения инструмента, запчастей и прочих материалов для совхоза, а я получил задание принять участие в уборке льна. Меня высадили из прицепа на поле рядом с комбайном. Перед комбайном стояли, конечно же, женщины, человек десять, рядом с ними на боевом коне, высилась директор совхоза. Она сказала, что сегодня я работаю на комбайне «подручным комбайнёра!». Я воспринял это, как шаг вперёд по карьерной лестнице, а директор, понимая всю ценность такого рОбОтника, как я, распорядилась, что бы одна из женщин накормила меня обедом. И вот по льняному полю идёт комбайн. Справа от кабины водителя, на какой-то площадке, стою я с деревянной лопатой. Слева от меня, мне навстречу, движется транспортёрная лента с зелёной льняной массой, срезанной комбайном. Я, орудуя лопатой, поправляю зелень, чтобы она не сваливалась с транспортёрной ленты. За комбайном идут женщины и им под ноги с комбайна падают снопы льна, которые они ловко и быстро перевязывают. Комбайн шумит, дымит, в воздухе пахнет соляркой. Рубаху я снял давно, машу лопатой в беспамятстве, без остановки, как веслом, пот заливает глаза, - участвую в битве за урожай. В голове крутятся обрывки каких-то воспоминаний: наш городской парк, «газировка» около павильона «Мороженное», напротив, - танцевальная площадка. Перед танцевальной площадкой, две, в духе советского реализма, «античные скульптуры», с ярко выраженной мускулатурой, парень и девушка, оба в шароварах. Каждая скульптура за два метра ростом. Отличались они друг от друга, только головами. Точно не помню, но у кого-то из них в мускулистых руках была байдарка, а кто-то держал весло. Я тихо завидовал скульптуре с веслом. Она спокойно, с достоинством, стояла уже лет тридцать, а я, не ведая усталости, махал и воротил лопатой, как рабочий конвейера в фильме Чарли Чаплина. Вдруг стало тихо. В это трудно было поверить, но комбайн остановился, транспортёр замер. Я с ног до головы был плотно обклеен какой-то шелухой, отлетавшей ото льна в ходе его уборки. Руки, приобретя навык новых действий, ещё самопроизвольно, невротически подёргивались. Казалось, мои натруженные руки, просили работы, но их хозяин уже, отчётливо, испытывал чувство голода и понял, что пришло время обеда. Комбайн остановился на краю поля, в тридцати метрах от изб небольшой деревеньки. «РОбОтник, РОбОтник!», - звала меня пожилая, а других там и не было, женщина, - «Пойдём, Юра, пОешь!». Она слила мне воду, я умылся и мы зашли в избу. В доме всё сверкало чистотой, посередине комнаты стоял стол, покрытый тонкой белой скатертью. Хозяйка сняла скатерть, протёрла клеёнку. Она достала из печи чугунок, наполнила и поставила на стол большую тарелку с горячими щами и куском мяса, отрезала кусок хлеба от круглой буханки собственного изготовления. Я приступил к приёму вкусной и здоровой пищи, а хозяйка села за стол, напротив, и приступила к расспросам. Честно говоря, ежедневные, как принято сегодня говорить брифинги, нам порядком надоели, но во-первых, передо мной сидела гостеприимная хозяйка дома, а во-вторых она умела спрашивать, не вызывая реакции отторжения. Мы разговорились. Она принесла фотографии, свадебную, сделанную перед самой войной, фотографии мужа и сына. Рассказала, что муж с войны не вернулся, сын погиб пару лет назад нелепо и

бессмысленно, как это, иногда в тех краях случается. Я тем временем закончил щи и приступил к омлету. Омлет тоже был из печи, он издавал аппетитный запах и заполнял глубокую тарелку сантиметра на три-четыре. Литровая кружка молока была уже, явно, лишней на этом празднике жизни. Намахавшись лопатой на свежем воздухе, отведав изысканных харчей, - я пребывал в блаженном состоянии между сном и реальностью. С разрешения хозяйки, расстелил на траве, прямо около крыльца, свою фуфайку, дальше я уже идти не мог, и прилёг вздремнуть: «Минут на двадцать».

«РОбОтник, ЮрОчка! Вставай!», - услышал я голос хозяйки. Сознание возвращалось ко мне медленно. Я открыл глаза. Солнце клонилось к закату. Перед избой стоял, до боли знакомый трактор с прицепом, в прицепе сидели наши ребята, возвращавшиеся из Солигалича, и хохотали вместе с женщинами, над разомлевшим ото сна, тружеником пашен и полей. Повод для смеха был. Я заснул так, что, когда пришло время возобновить работу после перерыва, - разбудить меня, рОбОтника, впервые переведенного из вспомогательных рабочих, в разряд подручного комбайнёра, не удалось. Я, без зазрения совести, не вспомнив, о недоукомплектованном персоналом комбайне, проспал пять часов к ряду.

Заканчивался последний день нашей командировки в подшефный совхоз «Свобода». Мне и моим друзьям было по двадцать три. Мы познакомились с людьми, о существовании которых никогда бы не узнали, - если бы не государственная программа помощи селу. Я сохранил в памяти на всю жизнь красоту этого края, непривычное для жителя Украины, название деревни в самом центре России. Во мне живут воспоминания о простых, бесхитростных, добрых душой людях. Я видел, как тяжело они работают, как непроста жизнь этих людей, как бережно, возможно даже не понимая, как это важно, - они хранят обычаи, традиции и культуру великого народа великой страны. И сегодня, когда я слышу окающую речь, мне вспоминаются: Кострома, пять дней в Зашугомье. Мне, до сегодняшнего дня помнятся эти неподъёмные мешки с зерном, лихой водитель санного поезда, игривая, со следами явной анорексии, кобыла, чёрный бык, крепкий сон на свежем воздухе, русская печь, козья ножка, кисет с самосадом, соты в меду, щи, женщина-директор на коне и солома в тракторном прицепе.

Суббота в совхозе была выходным днём, билеты на Кострому у нас были куплены на утро воскресенья. Мы планировали хорошенько выспаться, пригласить наших стариков, других новых знакомых на, так сказать, «стол дружбы» и отбыть. Но вечером пятницы за ужином, наша повариха из ОГМ, ей, городской барышне, домой хотелось, по понятным причинам, больше всех, – радостно объявила: «Вылетаем завтра в восемь утра, я всё уже организовала». Она рассказала, что сын хозяйки избы, в которой она жила, - лётчик. Летает на транспортном АН-2. Завтра у него рейс и за небольшую плату он отвезёт нас в Кострому. С трактористом, «за быка», она тоже договорилась. Пока мы работали, она оформила за нас все расчётные документы, ещё и деньги нам получила, - выезд утром в шесть тридцать. Возражений со стороны мужской части бригады шефов, естественно, не было, но повод, выйти за рамки привычного ужина был, - и мы им воспользовались, пригласив всех, с кем подружились за эту неделю. Очень тепло Вася и я попрощались со стариками, обещали приехать на будущий год, последний раз забрались на печь. К часу дня субботы мы уже были в общаге, нас ждали развлечения выходных дней, заводские

новости, наши девушки, баня, футбол, да мало ли, что сопровождает жизнь молодых специалистов-сварщиков.

«На работу, как на праздник!», - с таким настроением мы вернулись в отдел. А праздник приближался. В последнее воскресенье сентября страна праздновала День машиностроителя. Дворец культуры машиностроителей напоминал «Дворец Горького» в нашем городе, до него от общежития было рукой подать. У нас был накрыт праздничный фуршетный стол, расстарались наши подружки. Пришла Валя с мужем, Лёша и кто-то ещё из отдела. Мы были в костюмах, с галстуками, выпили по паре рюмок коньяку и пошли на праздник. Перед Дворцом играл духовой оркестр, на выставленных в ряд столиках, ОРС завода выложил закуску. Водка, как на Первое Мая, продавалась на розлив. Заволжские барышни, кружились под духовой оркестр в вальсе или при смене ритма, выбивали чечётку. Мужчины, - они, всё больше, группировались у столиков. На крыльце, у входа во Дворец, стояли с сосредоточенным видом бдительные дружинники с красными повязками на рукавах. Рядом, в праздничном настроении, - начальники цехов со своим активом и ветеранами, много молодёжи, в том числе из наших общежитий. Тут же был и Юра-Заволжский, мы поздоровались, как добрые друзья, и поздравили друг друга. В стороне, готовый к любым чрезвычайным обстоятельствам, дежурил милицейский «Газик». До боли знакомый пейзаж, где-то, это всё, я уже видел. Наше родное советское «дежавю». Василий проникся атмосферой праздника и несколько раз провозглашал тосты за нашу любимую сварку, за наш завод, за наших девушек, за всех нас. Прозвенел звонок, и все направились в зал. После торжественной части, в фойе дворца, народ не только разглядывал люстры, но продолжал охотно и активно праздновать. Когда начался концерт, все были в приподнятом настроении, - душа хотела праздника. Концерт «давали» артисты Костромской филармонии. На сцене был ансамбль, скроенный, по, очень бюджетному варианту: баян, контрабас, акустическая гитара со звукоснимателем и ударник. Артисты читали стихи, басни, пели песни о родном крае. Это не было халтурой, в смысле качества, но в зале царила скука. Конечно, я рассказывал своим друзья о нашем студенческом оркестре «СТЭО-68», о студенческих вечерах, о наших талантливых музыкантах и певцах, о том, что в оркестре я был конферансье. Вася обратился ко мне в стиле «Ты меня уважаешь?»: «Я прошу тебя выступить сегодня, ради праздника, ради меня!». Я активно отнекивался, мол «…в греческом зале, в греческом зале…», но группа поддержки тоже выходила в фойе, во время антракта, - не просто так. Вася взял инициативу на себя, и мы пошли за кулисы. Дружинники, среди которых были ребята из нашей общаги, пропустили нас к сцене. И вот перед ведущим концерта, отчётливо представляющим, что он находится в легендарном районе города, в Заволжье (в Днепре – Амур, в Киеве - Подол), - неожиданно появляется Василий, как говорят: «хорошо подшофе!». Вася убедительно настаивает, что его друг должен сейчас выступить и показывает на меня, - я, при этом, был трезв, как простокваша. Вижу, парень из филармонии встревожен, спешу на помощь, успокаиваю, что-то объясняю. Мимо проходит, как вскоре выяснилось, певец, он категоричен: «Только после меня! Я «лажи» не потерплю!». Ведущий говорит, что он всё понял, но выпустит меня на сцену после концерта, отдельно. Спрашивает: «Как Вас представить?». Недолго думая говорю: «Инженер отдела Главного сварщика - Юрий Гитин». И вот, концерт окончен, артисты

награждены цветами, аплодисментами, я представлен публике и выхожу на сцену. Зал полон, многие знают, что я играю за заводскую команду в воротах, живу в общаге, работаю вместе с ними на одном заводе. В первых рядах сидят: директор завода, представитель «Среднемаша», партком, профком, комсомол, райсовет, горсовет, главные специалисты, наш Сафронов. Думают: «Ну, сволочь! Не выдержал! Нажрался!». Немного отвлекусь. В студенческие годы мне удалось познакомиться со многими известными конферансье, которые приезжали в наш город, в Днепр. Некоторые бывали у нас дома. Фамилий называть не буду, поверьте на слово. Общение с этими людьми позволяло мне, провинциальному парню, видеть мир несколько по-другому. Я даже, чего греха таить, думал о конферансе, как о профессии. Но, слава Богу, сделал в своей жизни на одну ошибку меньше. Так вот, московский конферансье Сергей Дитятин, подарил мне великолепный, блистательный эстрадный фельетон. Автора, к сожалению, я не знаю. Фельетон назывался «Дорогие товарищи!» и начинался с этих слов. Сергей поставил, как обязательное условие, не читать этот фельетон с профессиональной сцены. Речь в фельетоне шла о нашей жизни, начиная с младых ногтей. И я обратился к залу: «Здравствуйте дорогие товарищи!...». Партер и балкон бурно приветствовали меня. Это был мой вечер и мой фельетон. В течение десяти минут мы с залом были на одной волне, говорили и думали вместе, откровенно и громко смеялись, так сказать по случаю. Я уже рассказывал, что завод строил девятиэтажку для своих трудящихся, строил – хозспособом. Как всегда, в таких случаях, стройка была любимым детищем директора, требовала от него много внимания и сил. Дня не проходило без необходимости решать десятки проблем. В тексте фельетона есть такие слова «…Построят наши, нечего сказать, дорогие товарищи-строители, дом. Так, стеночки такие тонкие! На первом этаже чихнёшь, а с девятого слышно: «Бу-у-у-дь здо-ро-о-ов!». Сосед соседу, через стенку, кричит:

- Друг! Ты меня слышишь?

- Дурак! Я тебя вижу!

Зал откровенно хохотнул. Реприза была – в тему. С удовольствием смеялся и наш директор вместе с представителем министерства, многозначительно подталкивая его локтем. Заканчивался фельетон, несколько, пафосно, но в духе времени: «…Ведь всё, что видим мы вокруг, удивительного, замечательного, неповторимого: новые жилые дома, новую модель нашего экскаватора, луноход на Луне, обсерваторию в космосе, - всё это дело Ваших рук, Вашего сердца, Вашей мысли. Бесконечно дороги Вы Родине и нет для неё ничего дороже Вас, - дорогие наши товарищи!». Зал встал, все аплодировали. За кулисами я видел артистов филармонии, они всё слышали и что-то одобрительно говорили друг другу. Про новые жилые дома и новый экскаватор, - это я по ходу, от себя, добавил. Прямо со сцены я спрыгнул в зал. Подошли Вася, Фима, Люба, Нина, - наши «отделовские» и Евгений Дмитриевич. Сафронов, как всегда, пожал нам всем троим руки: «МОлОдцы!», - и поспешил на банкет для начальства...
Мы проводили наших девушек и кого-то ещё из отдела на троллейбус. Настроение было отличным, подходим к общаге, на крыльце, как водится народ, некоторые парни, откровенно, пьяны. Одному из них, именно в это время, без каких-либо, видимых для меня причин, понадобилось сообщить мне, что я - «жид Ябучий!». Стало тихо. Он был моложе меня лет на пять. Белокурый, крепкий, чуть ниже меня ростом, этакий деревенский братец Иванушка. В мужской компании, в схожих ситуациях принято

отвечать, «отказывать», - этому я был обучен в моём дворе, в «Коробочке». «Извинись!», - предложил я ему, - «И всё забудем». Он криво улыбнулся и пошёл мне навстречу. Между нами было метра три и это расстояние, стремительно, сокращалось. Его никто, даже не пытался остановить, хотя бы словом, хотя бы, жестом. У меня не было выбора. Я в это мгновение зло ненавидел его, но ещё больше я ненавидел себя за то, что не смог избежать, теперь, уже откровенной драки. Ждать было уже нельзя, и, повернувшись вполоборота, я ударил первым. В последнее мгновение, мне хватило ума разжать кулак, и я ударил его в челюсть тыльной стороной ладони. Малый откинулся наземь и какую-то минуту сидел на четвереньках, поддерживая себя сзади руками. Зрителей было в достатке. Желающих вмешаться и прекратить эту глупую, отвратительную драку между своими же парнями, - не нашлось. Если бы в его положении оказался я, - ситуации имела бы очевидное, и не сомневаюсь, - дикое продолжение. Но меня учили бить ногами, только, по мячу. Он поднялся, его глаза налились кровью, и он бросился на меня. Я ответил, как учили на своём примере, Лаврён, Пака, Мазепа, Иван, страшный Хай-Нехай, и другие персонажи нашей дворовой «тусовки». Вот тут нас, наконец-то, растащили. Было много шума, мата и угроз. Вечер был испорчен, но, далеко не окончен. Мы не успели подняться к себе в комнату, как вслед за нами, влетел Юра-Заволжский. Он, был взволнован не на шутку, и чем-то напуган: «Что ты натвОрил! Да, как ты мог!», - кричал Юра, - «Закрывайте двери на замок, пОдтаскивайте шкаф, не вздумайте выхОдить! Я пОпрОбую всё уладить сам». Ничего похожего в моей жизни не было. Юра целый час, что называется «грудью», защищал нас от обезумевшей толпы, одуревших по пьяному делу, соседей. Потом мы узнали, что он просил общежитскую маму: «Ментов не вызывать!». Общежитие ходило ходуном, били ногами по стенам, но дранка не развалилась. Верхняя часть двери, как выяснилось потом, была зашита фанерой и её пробивали ножами. Юра что-то кричал, объяснял, но отбился. Оборона длилась час, потом стало тихо. В руках у нас было по лопате, они были «на инвентаре» в каждой комнате, - зимы в Костроме снежные и без лопаты, никак, нельзя. Минут через двадцать, поверив, что основные события праздничного вечера закончены, мы вышли на балкон. Над дверью, выходящей во двор, слева под балконом, тускло горела лампочка. Весь двор общежития тонул в темноте, но столы уже были оседланы картёжниками, что-то они там, в свете дальних фонарей, всё же видели. Неожиданно дверь во двор распахнулась, и появился Юра. Одна кисть у него была перебинтована, - это постаралась наша общежитская мама. На бинтах были видны красные пятна. Он поднял голову вверх, посмотрел на нас: «Что? Пересрали? То-ТО! Артисты! Больше так не делайте!», - усмехнулся и ушёл. Юра сделал всё, что мог, и даже больше.

Ночь прошла спокойно. Наша общежитская мама несколько дней подмазывала, белила и подкрашивала панели в коридоре и нашу дверь. Утром в понедельник, после рапорта, Сафронов вызвал меня в кабинет. Я его таким никогда не видел. Он был человеком добрым, улыбчивым, мягким по характеру. А тут он сидел, подобравшись, как сжатая пружина. Он говорил мне такие слова, говорил их таким тоном и так, как это не было свойственно ему. Говорил, налегая на «О», тихо, через силу: «Юрий Михайлович! Ты вчера избил рабочего. Знает руководство, знает весь завод. Невзирая на обстоятельства, это - неправильно, этого нельзя было делать. Тебе здесь жить и работать. Пойди и всё уладь». На душе у меня кошки скребли, мир рушился. В таком настроении я зашёл в цех, в котором работал мой спарринг-партнёр. Я не помню, чем он был занят, но когда я увидел его лицо, я готов был провалиться от стыда сквозь землю. Мальчишка, простой парень, дурак, который из-за своего бескультурья, а где ей, культуре, в вечно пьяной общаге взяться, из-за доступной всюду водки, ещё не раз попадёт в истории, которые могут закончиться в разы хуже, чем вчера в праздничный вечер. Я подошёл к нему. Голубые

глаза, мягкие белесые волосы, никакой агрессии. Поздоровались, пожали друг другу руки. Я попытался рассказать, как всё это было. Он ответил: «Чёй-то ты, Юрок, съябаешь!». Я, конечно, понял, но попросил уточнить. Он на мгновение замялся: «Ну, ПЯздишь, - по - Вашему». Мы посмотрели друг на друга, лёд уже таял, и мы оба расхохотались. Договорились, что я вечером «выставляюсь» в их комнате, чтобы раз и навсегда…. Доложил Сафронову. Он уточнил подробности и сказал, что всё правильно, что нужно думать, прежде, чем кулаками махать, и всё в том же духе. После работы я купил две бутылки «Столичной», взял на базарчике, возле троллейбусного кольца, половину жареной утки, ещё что-то и, не заходя к себе, отправился к соседям решать свои проблемы. Меня уже ждали, их было человек пять. Не скажу, что их лица светились от счастья при виде меня. Но я был у них в доме и не с пустыми руками, я действовал по правилам. Обменялись какими-то фразами, мне предложили остаться, но я благоразумно отказался, сослался на скорую игру, пригласил всех поболеть за родную команду, и через пару минут был в своей комнате среди друзей. Прошло какое-то время и Юра-Заволжский заметил: «Я же тебе говорил. Заволжские девки, - не для Вас!».
Вообще, слышанная мною где-то сентенция, что на Руси бытие означает питие, в Костроме, в Заволжье, подтверждалась с особой силой. Я уже был взрослым человеком, кое-что повидал, не видел греха в паре-тройке рюмок коньяку, многое было понятно, но тут, - «водкопотребление» приобрело какие-то гипертрофированные формы. Говоря о сорокаградусных сентенциях, уместно напомнить ещё одну и, весьма изящную: «В хорошей компании, под хорошую закусь, да под хороший трёп, - водка в малых дозах, - полезна в любых количествах». В этом краю, по крайней мере, в описываемый мною период, - с особым успехом, работала последняя часть текста. При съезде с моста, с противоположной стороны от шоу «Стирающие эвридики», стоял дивной красоты, деревянный, урбанизированный терем, с названием «Петушок», в котором торговали спиртным, в том числе на разлив. Поутру там собирались бойцы, представляющие наш завод и соседнее предприятие «Мотордеталь». К полудню к терему подъезжали наш заводской «Пазик», автобус соседей, и «специально обученные люди», представляющие профсоюз и комсомол, подхватывали, каждые своих «наших», и везли их прямо на завод. Проспавшись, народ приступал к работе и давал план. Иногда доходило до анекдотов. Представители нашего завода побывали в Чехословакии на родственном предприятии и увидели, нечто, что оставило неизгладимый след в их душах. В отделах, с восторгом обсуждалось, что у чехов, прямо в цехах, смонтированы «пивопроводы!!!». Каждый трудящийся может повернуть кран, плеснуть себе в чашку пивка и утолить жажду. Вот бы и нам так! Ага! Сейчас! Но зёрна новаторства всё-таки проросли, и руководство дало добро на эксперимент. Крылатой фразы Виктора Степановича Черномырдина: «Хотели, как лучше, а вышло, как всегда», - ещё никто не знал, но процесс пошёл. Заводская столовая находилась у кромки круглой площади, от которой радиально расходились дороги к нескольким цехам. Посередине площади, занимая значительную её часть, была расположена клумба, как выяснилось впоследствии, сыгравшая, чуть ли не главную роль, в описываемых событиях. Перерыв для рабочих, как это, обычно, принято на всех известных мне предприятиях, начинался, что-нибудь в десять утра, да и смену рабочий люд начинал в семь. В отдел позвонили после одиннадцати, и кто-то предложил пойти посмотреть «Как это делается в Костроме». Открывшаяся нам картина заслуживает подробного описания. Отобедав, а кормили в нашей столовой прекрасно, - народ, степенно, выходил на широкое, весьма протяжённое крыльцо и тянулся за сигаретой. Уже первые, вышедшие из столовой люди, заметили что-то непривычное глазу, в знакомом до боли ландшафте. Перед клумбой, очевидно, это была операция «Прикрытие», стояла бочка с надписью «Молоко». Рядом с бочкой несколько рабочих держали в руках, те ещё,

советские литровые гранёные пивные кружки, цвет содержимого в которых, к молоку не имел никакого отношения, и, приятно тревожа душу, не оставлял ни малейшего сомнения в наименовании напитка. «Пионеры» радостно, по известной доброй традиции, соударяли кружками, почему-то их называли бокалами, и на их лицах, даже с расстояния двадцати метров, читался неподдельный восторг, который хотелось, немедленно, разделить. Народ дружными рядами двинулся к клумбе. Степень восторга увеличилась в разы, когда выяснилось, что пиво, а это, таки-да, было пиво, перефразируя Ильфа и Петрова, - пОдавалось членам профсоюза, хоть и в очередь, но бесплатно. Совершенно случайно, в карманах спецовок находился шкалик с водкой, предусмотрительно припасенный «на потом», а пиво без водки… Короче, на клумбе с цветами, как на лужайке, в каком-нибудь, лондонском Гайд-парке, был разбит бивуак, с живописно разместившимися на нём рабочими, которые высоко оценили опыт чешских товарищей. И за это не выпить? Выпили за чехов по-взрослому, утреннюю смену сорвали, народ насмешили, а вот «итеэровцам» - пива не досталось. Бочку с отвлекающей надписью, к двенадцати ноль-ноль увезли, и мы обедали «всухую».

Была такая история. При заводе функционировало ГПТУ, на котором, в частности, готовили электросварщиков. Дети из деревень, после семилетки, до армии, - бесплатно получали профессию, совмещая вдали от дома, учёбу с работой. Как-то к нам обратились наши ребята из общежития с просьбой. Нужно было сделать письменные работы: записки и эскизы по сварке каких-то узлов. Они эти узлы знали, «варили» их, но время было упущено, а писанина - не была их коньком. Мы втроём присели и, дня за три, заказ был готов. Парни всё благополучно сдали, заходят к нам: «СпасибО! Дак-э, милОсти прОсим к нам, надО бы Отметить, ОтблагОдарить!». Ну, надо, так надо. Вошли мы в их комнату. По размерам, - как наша, но четыре кровати с продавленными панцирными сетками, без балкона, без радиолы, - тесно. Посередине стоит стол. На столе чугунок, с пышущей жаром картошкой, трёхсотграммовая стеклянная банка с тюлькой в томате, хлеб и алюминиевый чайник с тонким изогнутым носиком. Ребята накрыли поляну от всей души, по полной программе. На кроватях сидят коллеги-сварщики в обнимку с барышнями из соседнего общежития. Профессионально пошутили, насчёт «струйного переноса», посмеялись. Хозяева говорят: «Давайте, Вы первыми начнёте». Всё было понятно без лишних слов. В чайник доверху, как бензин в канистру, - была залита водка. Я сумел отказаться, а Вася и Фима, «с горлА», таки по глотку, потянули. Поблагодарили мы гостеприимных хозяев, и пошли к себе. А через пару часов, наряд милиции, выводил из общаги, полуживых, от выпитого, мальчишек, и их подружек со свежими синяками. Юра-Заволжский, в этот раз не успел.

До сих пор со смехом вспоминаю, как мы с мамой, она прямо с вокзала, поднимаемся к нам на второй этаж. На верхней площадке, выражаясь языком сварщиков, с предварительным (обратным) прогибом, на спине лежит парень. Тело парня сориентировано головой вниз, вдоль лестницы. Филейная часть туловища, к которой крепятся ноги и, собственно ноги, покоятся на лестничной площадке, руки разведены в стороны, - зрелище специфическое. Мама, она детский доктор, обеспокоено говорит: «Юра! Мальчику плохо!». По этажу проходит, по пояс раздетый, весь в татуировках, мой тёзка по прозвищу «Седой», отвечает мгновенно: «Чай, хОрОшО Яму!».

Пригласил сын маму в ресторан «Центральный», на свои. В то время «Центральный», справедливо, считался лучшим в Костроме рестораном. Заказали обед и водку в графинчике, подавать водку в бутылке считалось «моветоном». На столе перед каждым посетителем стоят три вместительных фужера. Мама говорит: «Юрочка! Попроси, чтобы принесли рюмки». Приглашаю официанта. Его «дресс-код» - безупречен, выслушал он меня и растерянно говорит, указывая на самые маленькие фужеры, грамм на сто

пятьдесят : «Дак - э, вот же Они!». Эта тема по-своему благодатна, бесконечна, но, как говорится, - не водкой единой.
События, как морские волны, продолжали накатываться одно за другим. Во вторник, на второй день, после бурно, отмеченного Дня машиностроителя, Сафронов, «по громкой», вызвал меня в кабинет и с усмешкой показал, на лежащую, на столе, телефонную трубку. «Здравствуйте!», - услышал я, хорошо поставленный, с легкой хрипотцой, на мхатовский манер, женский голос. «С Вами говорит художественный руководитель Костромской филармонии Анна Львовна Гердт. Как Вы могли себе позволить, как Вы посмели, в нетрезвом виде вломиться в кОнцертную программу профессиональных артистов?!», - продолжила она. Робость, впрочем, как и хамство, не являлись моей визитной карточкой, да простятся мне грехи моей молодости, и, вместо извинения, я спросил: «Ну, и как впечатления?». Её голос потеплел, казалось, я видел её улыбку, и она произнесла: «Нам нужно встретиться». Договорились в филармонии вечером. Меня проводили в кабинет Гердт. Анна Львовна выглядела сдержанно, интеллигентно, была эффектной женщиной, известного возраста, - «за сорок». Рассказала, что у неё проблемы с концертной бригадой для поездок по городам области, нет людей, не удаётся сверстать программу на два отделения. От неё требуют концертную бригаду по Союзу, трещит финансовый план филармонии и пр. У меня был некоторый житейский опыт, и я мог сравнивать то, о чём говорила, чем была обеспокоена Гердт, с тем, что было уже организовано и работало в днепропетровской филармонии. Предстояла громадная, многовекторная, изматывающая, творческая, и зачастую ничего с творчеством не имеющая, работа. Я слушал Анну Львовну и ловил себя на мысли, что всё это, перестало быть для меня интересным. Я отчётливо понимал, что увлечение эстрадой закончилось для меня, одновременно с окончанием учёбы в ДИИ, в июне 1971г. Я уже был увлечён профессией инженера, мне нравилось моя работа, уже обсуждались с Сафроновым служебные перспективы, о которых, – несколько, позже. Я объяснял Анне Львовне, что завод я бросать не хочу, мотаться с концертной бригадой по области, желания нет, работа в филармонии по остаточному принципу, когда будет получаться, - вряд ли, устроит её. Всё это будет любительством, зря только время потратим. Но Анна Львовна, как опытный специалист, видела во мне материал, из которого можно было попробовать что-то вылепить. Она предложила провести в зале филармонии один пробный концерт для работников какой-то текстильной фабрики, клуб которой был на ремонте. Анна Львовна выделила мне в концерте около двадцати минут и сказала: «Работай, что хочешь, а мы посмотрим». Это были та же концертная бригада, что и несколько дней назад. Мы, теперь уже с партнёрами, посмеялись, вспоминая детали, моего, так сказать, дебюта. Ведущий, весь концерт был рядом, подсказывал очерёдность номеров, имена и фамилии артистов, объяснял, какие «разводки» уже наработаны и привычны артистам. Сам он прекрасно читал басни Крылова и его долго не отпускали зрители. В зале были женщины, много молодых. Они эмоционально реагировали на выступления артистов, были щедры на аплодисменты. Я тоже каши не испортил. После концерта мы поблагодарили друг друга, и Анна Львовна пригласила меня к себе в кабинет. Она сказала, что вполне удовлетворена, что у меня получаются репризные фельетоны, что я нравлюсь женщинам в зале, заметила, что я несколько раз произнёс «Г», на украинский манер. С её слов, она думала, что будет хуже, но предстоит, очень, много работы. Она положила на стол деньги, пятнадцать рублей, - мой заработок за вечер. Объяснила, что семь пятьдесят – это ставка за концерт и суточные на питание, - тоже семь пятьдесят. В Днепре я провёл несколько концертов за десять пятьдесят, плюс те же суточные. Мы тепло попрощались, и Анна Львовна сказала, что, обязательно, перезвонит. Люба, конечно же, тоже была в зале. Она рассказала, что концерт был интереснее, чем в тот памятный вечер, что у меня

получилось всё хорошо, и теперь непонятно, чем мне нужно заниматься: гонять мяч, вести концерты или заниматься сваркой. Я объяснил, что выбор сделан в пользу сварки. На «пятнашку» можно было вдвоём сходить в кафе и мы так и сделали.
Ну, а футбол? С футболом происходило вот, что. Мы играли «на город» и на первенство области. В турнире на первенство области участвовали, по-моему, - восемь команд. Четыре-пять из них, – «освобождённые», т.е. только играют. Рубка была, можете мне поверить, самая настоящая. Во втором круге, укрепившись за счёт «хохлов», наш «Металлист», неожиданно для многих, зацепился за третью строчку в турнирной таблице и нас начали проверять «на вшивость»: судьи стали «прихватывать», посыпались травмы. Оглядываясь назад, я понимаю, что этот «аматорский» футбол, без страховки, без денег, без нормального лечения, но с профессиональными амбициями и накалом страстей, - был абсолютной глупостью. Мы играли только потому, что любили футбол. К слову сказать, свой последний матч я сыграл в тридцать шесть лет и таких ненормальных я знаю, - десятки. Но профком уже познал вкус побед, были уже озвучены: зимняя подготовка с освобождением от работы, усиление двумя-тремя профессионалами, сборы и пр. Тогда я ещё не понимал, что нормальному человеку лучше и полезнее, после работы, играть в теннис, плавать в бассейне, париться в бане, безусловно, почитать что-нибудь, чем калечить себя, неизвестно зачем. Фразу «такой хоккей нам не нужен», мы услышим от Николая Озерова, только зимой, во время матчей с канадцами. Какие-то мысли на этот счёт, после беседы с Сафроновым, всплывали в моей голове, но на плаву не держались. Я стал реже видеться с ребятами после работы, всё время куда-то летел, как угорелый. Я даже Любе стал меньше уделять внимания. Нет! Такой футбол нам не нужен! Но оставался ещё городской «Приз закрытия сезона», - турнир четырёх. Играли четыре лучшие команды городского первенства по формуле: два игровых дня, полуфинал и финал. Финал проходил на нашем стадионе «Металлист», было холодно, шёл дождь, но благодаря поддержке «заволжских» болельщиков, мы выиграли 1 : 0. Помню, вымотались мы прилично, грамоты и кубок нам вручали, практически, в полной темноте. Меня и ещё трёх-четырёх ребят попросил подойти тренер местного «Спартака», он сказал: «Сезон окончен, мы сейчас работаем только с мячами. Подходите, потренируетесь с нами». Поблагодарили, конечно, но как «подходить», мы, же работаем на заводе, да и наелись мы этого футбола «вот-так!».
Теперь о беседе с Сафроновым. Евгений Дмитриевич пригласил к себе в кабинет Фиму, Васю и меня. Из восьми сотрудников отдела, инженерами-сварщиками были только мы. У остальных сотрудников было или среднее (школа), или среднетехническое образование (техникум текстильной промышленности). Но, справлялись, писали, пересматривали технологические карты, одним словом, - люди работали. Сафронов сказал, что в следующем году завод осваивает новое гусеничное шасси. Шасси пойдёт на комплектацию буровых, строительных машин, экскаваторов и на оборонку. Приказ по министерству, практически, готов, мероприятия проходят окончательную доработку. Будет много нового, необычного и наш отдел изменения затронут в первую очередь. Поставлены задачи повышения уровня механизации сварочных работ, освоения сварки автоматами под флюсом, организация участка машинной плазменной резки. Руководством приняты решения по кадрам. Тарарохин Василий Иванович «идёт» заместителем начальника сборочного цеха по новой технике. На него будут возложены задачи освоения нового оборудования, новых технологий, новой продукции, подготовка персонала и многое другое.
Ефим Семёнович Берман возглавит, новый для завода, Отдел механизации и автоматизации «ОМА». Тут предстоит непочатый край работы по проектированию, комплектации и изготовлению, в условиях завода, нестандартного сборочно-сварочного

оборудования, приспособлений, кантователей, средств механизации и пр. пр. пр. Бюро оснастки отдела Главного технолога, там работали две женщины, - входит в состав ОМА. Далее, Сафронов сказал, что принято решение об организации, как отдельного подразделения, лаборатории сварки. Начальником видят меня. Нужно объединить наши усилия по освоению новых видов продукции, новых технологических процессов и оборудования, предстоит совместная работа с «Патоновцами», отраслевыми НИИ, нужно наводить порядок в цехах, нужно, нужно, нужно. Он дал понять, что изменения коснутся и его и мы поняли, что разговор идёт о должности Главного инженера. «Вот так, дорогие товарищи!»,- с улыбкой сказал Евгений Дмитриевич, после очередной нашей беседы, намекая на, хорошо известные нам события.

Серьёзность озвученных планов была такой, что возникал вопрос, а готовы ли мы, трое двадцати трёх летних молодых инженеров, к этой работе. Я позвонил домой, поговорили с отцом. Опытный, закалённый производственник, преданный традициями ремонтного дела «Дзержинки», он сказал: «Ничего не бойся. Работай. Всё придёт». Мы, между собой, конечно же, ёрничали по поводу предстоящих, касающихся нас, перемен. Пытались обозначить круг вопросов, которые, каждому на своём месте придётся решать, но выделить основные, по молодости лет, нам, пока, не удавалось. Всё, что мы услышали, было объёмным, по сути и бесконечно глубоким по содержанию. Всё было очень серьёзно, но молодость, брала своё, и мы хотели, мы очень хотели, поскорее окунуться в гущу новых дел, новых событий и, как знать, не исключено, - новых приключений. Простите за старую поговорку, но нельзя же быть на половину беременным, и я отчётливо понимал, что, - если уж браться за такую работу, то, однозначно, нужно организовывать прощальный матч для дружного коллектива сборной, причём, с серьёзной «художественной» частью. В

Костроме уже была осень. Октябрь. Дни в Костроме в это время года короче, чем у нас, пасмурно, неуютно, холодно, идут дожди. Как сказал классик: «… зима катит в глаза». И, вдруг, как снег на голову: - ко мне едет мама! Ура! Мама решила всё увидеть своими глазами: и меня, и Любу, и Васю, и Фиму и Кострому. Первым делом, я обратился к общежитской «маме». У нас с ней были очень дружеские отношения. Бывало, заходишь вечером в общагу, а она и гОвОрит: «ЮрОк-милОк! Тебе сегОднИ, или надысь, - звОнили!». «И кто ж звОнил?», - спрашиваю в тон. Она смеётся, подыгрывает: «Я, чай, знаю? ДЯвицы, какия!». Она, когда узнала, что едет мама, в тот же день договорилась, в общежитии, напротив, за комнату для мамы. Пошла и всё убрала там. Я единственный раз был в женском общежитии, когда заносил туда мамины вещи. Да и, вообще, - наши орлы туда не хаживали. А вот барышни к ним, к орлам, - бегали, летали в гости с утра до вечера. Как говорится, - на здоровье!

Сколько себя помню, у нас в доме, маму всегда называли, просто, Софа. Папа ещё говорил: «Софуля». Мама приехала вечером. Встретили мы Софу, как положено. Накормили, напоили, отвели в общежитие. О некоторых эпизодах пребывания мамы в Костроме, связанных с особенностями нашей, не всегда трезвой жизни, я уже рассказал. Мама ребятам понравилась, а с Любой, они договорились, что завтра, пока мы будем на заводе, Люба покажет маме Кострому. Чётко помню, что мама приехала в среду вечером, а на воскресенье у неё был билет на ночной поезд на Москву. В четверг вечером мама с восторгом рассказывала, где они, с Любой побывали, о том, как ей понравилась Кострома, какой тут свежий воздух, как хорошо она себя тут чувствует. Даже узнала, где областной тубдиспансер. Мама, врач-фтизиатор, у неё были какие-то планы, и она действовала, согласно этим планам. Я спросил у Любы, как Вы там с Софой? Она засмеялась и сказала, что мама у меня молодая. Софе было в тот год, всего сорок семь. В пятницу утром Сафронов меня опередил, сказал: «Юрий МихайлОвич! Что ж ты мОлчишь-тО? Пиши

заявление, да пОбудь с матерью». Я поблагодарил его и помчался в общагу к маме, пригласил её в ресторан на обед, но об этом я уже рассказал. Зимней одежды у меня в Костроме не было, не было её и у моих друзей, мы выезжали в Кострому в последние дни июля. Мама осталась довольна, тем, что она увидела в магазинах, и предложила в субботу, всем нам, пополнить гардероб зимними вещами. Но Фима и Вася сказали, что к ним едет целый десант родственников и им всё привезут. В субботу, мы отправились за покупками для меня, всей компанией. В торговых рядах к нам присоединились наши девушки. Меня к зиме приодели. В «Веснянке» по этому поводу было заказано традиционное меню с рябиновой настойкой. Потом, девочки наши, остались в центре, а мы с покупками, (куртка, шапка, сапоги, ещё что-то) в прекрасном настроении возвратились в общежитие. По лицу общежитской «мамы», я сразу понял, - что-то произошло. Она была растеряна и молча протянула нам три невзрачные бумажки. Нам принесли повестки в военкомат: «…Вы обязаны явиться…При себе иметь…». Сказка закончилась, не успев начаться.

Всё изменилось вмиг. Новый план работ, теперь не имел ни малейшего отношения, ни к новым видам продукции, ни к механизации производственных процессов, ни к кадровым перемещениям, ни к какой другой атрибутике, связанной с деятельностью машиностроительного завода. Новый план состоял, уже из новых пунктов, которые с каждым часом отдаляли меня от Костромы, от отдела, от завода и, к сожалению, от Любы. Время закрутилось, завертелось, закружилось, а точнее его уже, просто, не хватало ни на что. Я проводил маму, а утром в понедельник мы зашли к Сафронову. Евгений Дмитриевич покачал головой: «Я на Вас, ребята, очень рассчитывал. Ну, что ж, не Вы первые, не Вы последние. У нас так каждый год. Отслужите, - возвращайтесь. Тут дел хватит на годы». Нам было необходимо пройти медосмотр, оформить расчёт, отправить домой некоторые вещи, съездить домой и вернуться к утру 11 ноября. Призывались мы по месту прописки, из Костромы. Просто удивительно, как быстро и в каких количествах мы обрастаем барахлом. Стоит, только, где-то «бросить якорь», и различные новые вещи, как рыбки-прилипалы, сопровождают тебя, и их количество множится с каждым днём. Почтовое отделение примыкало к общежитию, и вопросы отправок решились и быстро и просто. Завод провожал в Армию человек пятьдесят. Нас собрали во Дворце культуры. Директор и все его помощники были веселы, нежны и добры. Каждому новобранцу директор говорил напутственные слова, каждому был вручён подарок. Мы получили механические бритвы. Они заводились, как старый будильник, ключом с тыльной стороны. Подарки каждому призывнику лично вручал директор завода. Когда пришла моя очередь, и я подошел к нему, он назвал меня по имени отчеству: «А, Юрий Михайлович! Желаю хорошей службы! Возвращайтесь, - дорогой Вы наш товарищ!». Фельетон, судя по всему, директору тоже запомнился. В Армии, после учебного взвода, по прибытии в батальон, эту бритву у меня из тумбочки, не с собой же её носить, - спёрли, в первые же дни.

И вот подошёл день, а вернее, вечер отъезда. У нас в комнате был объявлен расширенный сбор. Конечно, Люба и Нина накрыли стол по-праздничному. Комната была забита народом, заходили все соседи, пришли наши отделовские. Я просил зайти к нам Юру-Заволжского. Юра пришёл, посидел минут десять. Показал мне рукой, мол, спокойно, так нужно, и вышел. В этот вечер уезжали, практически, все молодые специалисты, - «хохлы». Какой смысл был в том, чтобы вести нас через половину громадной страны, обустраивать на новом месте, подтягивать нас к производству, а потом, в ущерб делу, безжалостно обрывая человеческие связи, а порой и судьбы, под трубу с сурдинкой засылать в солдаты, - я понять не могу. И в отделе кадров, и Сафронов, в сердцах говорили: «Вот так каждый год. Приезжают молодые, хотят работать. Начинаем

людей готовить, только что-то вырисовывается, только люди начинают что-то понимать, как приходится отправлять их в Армию». Дама из Отдела кадров, философски заметила: «Потому-то у нас, - шесть на одного».
Звучали тосты. Стараясь ничего не забыть в этот последний вечер, мы, перебивая друг друга, вспоминали наши заводские будни, вес сварных образцов, мешки с флюсом «на второй этаж», опыт чешских товарищей и незабываемые дни в Зашугомье. Все желали нам хорошей службы. Мы обещали писать, обязательно вернуться на завод, не отрываться от коллектива. В суете последних дней у меня сложились какие-то строчки, я назвал их песней «Прощай Кострома», и, конечно же, на прощание, спел её за столом под гитару Валиного мужа. В каждом коллективе есть свои, понятные только узкому кругу людей, шутки: «штучки, фенечки, как говорят сегодня - фишки». Такой фишкой у нас в ОГС стало слово «очень»: «Очень Вас нам в эти дни не хватало! Очень долго/быстро Вы пишете техпроцесс! Вы вчера, видимо, - очень?». Слово «очень» в тексте песни звучало чаще, чем следовало бы, но всем всё было понятно. Последние слова получились такими:

Пою последний свой куплет,
Я ухожу, гасите свет,
Не нужно пышных слов,
Не нужно митинг,

Мне б просто водочки стакан,
Ведь я же молод, я ж – пацан,
Целую крепко всех,
Ваш друг и Ваш коллега – Гитин.

.

Лёша, это я узнал из писем, отпечатал текст песни и он, как последнее прости, какое-то время, висел на двери нашего отдела. К нам постучали: «Автобус подан! Пора выходить». Это расстарался наш профком, - уезжали не просто призывники или, какие-то там, молодые специалисты, - уезжали призёры первенства Костромской области по футболу! Мы, как водится, присели на дорогу, помолчали. Последний раз я шёл по гулкой деревянной лестнице, которая тоже всего повидала. Перед общагой стоял наш, заводской «Пазик». Он годился на все случаи жизни: команду отвезти на игру, свозить народ на картошку, подобрать возле «Петуха», не рассчитавших режим процесса, сварщиков. Теперь ему предстояло отвезти на вокзал новобранцев. Общежитская «мама» была с нами. По нескольку раз, всех крестила, даже меня. Мы вышли на крыльцо, кто-то, напоследок, доливал водку в стаканы, девушки из общежития напротив, нестройно затянули, так полюбившуюся в Костроме, «Червону руту», но уже через мгновения, песня громко звучала на ночной улице. Я подошёл к Юре-Заволжскому, как-бы виновато, развёл руками и мы обнялись. Юра был красавец, я упирался головой ему в подбородок. «Всё нормально, Юрок! Всё путём! Отцу От меня привет передай! ВОзвращайся!», - сказал Юра и подтолкнул меня к автобусу.
В автобусе я сидел рядом с Любой. Она молчала весь вечер. Прижалась ко мне, потом тихо, на ухо, сказала: «Когда будешь возвращаться, я встречу тебя в Москве. Там никого не будет и мы, хотя бы один день, проведём вдвоём».
И вот я дома, в центре внимания близких, друзей. Так надолго я ни разу не уезжал. Телефонные звонки, встречи. Всё бегом, в темпе, - времени мало, считанные дни. Сидим, как-то: Марик Лемберг, Лёша Ховерс, Саша Русаков. Обычный трёп, Лёша делает мне замечание: «Послушай себя со стороны. Окаешь чудовищно, это даже не смешно!».

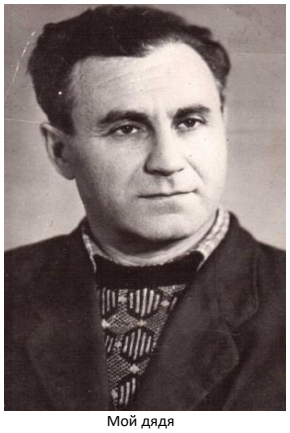
Узнаю, что в институте, как обычно на 7-е ноября, - вечер. Ноги сами понесли меня туда. Всех, кто остался, увидел. Серёжа Шершнёв, руководитель институтского оркестра, он был уже членом КПСС, говорит: «Если есть что-то близкое к теме, новое, - давай к микрофону!». Меня представили, как будущего солдата. Я вышел: «Здравствуйте, дорогие товарищи!...». Таких аплодисментов, я в ДИИ, никогда, не слышал. После концерта у нас в «музыкалке» за сценой, как всегда, на столе, уже были приготовлены бутерброды с колбасой за два восемьдесят и аккуратно нарезанными ломтиками плавленого сыра. Стояли бутылки с «Білим міцним» из «Радуги». Как всегда были жёны и подруги участников концерта, наши друзья, общие знакомые. Как всегда, наш ударник «Бизон», Серёга Ермоленко, - постоянная «жертва конферансье», произнёс, принадлежавшую, только, ему одному фразу: «Так! Гитин! Рубль сдал? Свободен! Можешь идти!». В этот вечер я тоже пил «Биомицин» из гранёных стаканов, фотографировался на память, курил, и тоже много молчал.



В Костроме я был чёрный, лохматый. Таким меня сфотографировал после концерта в ДИИ, в нашей "музыкалке " Антоша Котляр. Рядом Людмила, она танцевала в ансамбле "Днепр"

Кострома не отпускала, я всё время ворошил память, и каждая мелочь напоминала мне о том, чего в моей жизни раньше не было, о людях, которых мне уже не хватало, о Любе. Каких-то, два с половиною месяца, которые я прожил в Костроме, вместили в себя столько событий, встреч и впечатлений, оставили такой глубокий след в моей душе, что не было ей покоя. Я понимал, что нужна, необходима какая-то точка. Мама и папа собирали мне походную экипировку. Подушки раньше у многих были большими, и мама выделила, на заклание, громадную наволочку. В эту наволочку были упакованы папина камуфляжная куртка, в которой он ходил на заводе, свитер, брюки и старые ботинки. Ехать в таком виде в Москву, пусть, даже на один день, на встречу с Любой, - об этом не могло быть и речи, и тут я с родителями был единодушен. Мы общались друг с другом бережно и очень тепло. В глазах моих родителей, я всегда был хороший парень, хороший сын, но разгильдяй, еле синоним подобрал, - редкостный. Теперь они видели во мне взрослого, самостоятельного человека и, наверняка, гордились плодами своего труда. Мои любимые дед Яков и бабушка Мария Григорьевна были просто счастливы. Бабушка всегда мечтала, чтобы её внук был инженЭром, меньше гонял мяч и больше думал головой. Дед Яков был того же мнения. При этом, дед, в седьмом классе, подарил мне первые мои вратарские перчатки и их приобретение в дальнейшем, считал для себя делом обязательным, - или я, за него, так считал. Нужно сказать, что служба в армии почиталась в нашей семье, как дело почётное, передающееся, как эстафета, от поколения к поколению. Отец моего папы, дедушка Илюша, дослужился в царской армии, и это еврейский парень, - до Георгиевского кавалера! Потом служил в МВД, был до войны председателем колхоза, воевал, дошёл до Берлина, после войны работал на обувной

фабрике. Иногда выносил в Днепропетровске на Лагерную улицу, к своему дому специальный, знаете, такой на ремнях, - стул сапожника и улица несла обувь на ремонт дяде Эле. Все три его сына по старшинству, Лазарь, Михаил и Аркадий прошли всю войну.



Мой дядя
Гитин Лазарь Ильич



Папа.
Гитин Михаил Ильич.



Мой дядя.
Гитин Аркадий Ильич

Лазарь, мой дядя, воевал на «Катюшах», взрывал их под Керчью, чтобы немцам не достались. Дошёл до Берлина, весь обгоревший, раны, - живого места не было. Михаил, мой папа, закончил в 41-м Одесское, тогда, пехотное училище им. Ворошилова. Семь ранений, два осколочных в голову. Ушёл на войну в 41-м, уволился по инвалидности в 47-м. Когда я хоронил отца и оформлял документы, прочитал в его воинской книжке: командир взвода противотанковых ружей, помните «Летят журавли», командир пулемётного взвода, командир взвода разведки. Слово «немец», я от него никогда не слышал, только - «Он!». Аркадий, в сорок пятом, когда была война с Японией, летал на тяжёлом бомбардировщике ТБ-3, - стрелок-радист, как выжил, - понять невозможно. Бабушка Феня, папина мама, как-то рассказывала, что под Сталинградом участвовала в переправе детей через Волгу. Немец бомбил, и взрослые накрывали собою детей. У бабушки была астма, но когда переправились, - астма прошла. Там же под Сталинградом, моя тётка, Чернова Александра Карловна, политрук, поднимала бойцов в атаку. Долгие годы дружила с маршалом Чуйковым. Дошла до Берлина. В Днепропетровске, в музее есть стенд, там всё о моей тёте Шуре.



Тётя Шура.



Мама и тётя Шура в Берлине



Берлин. Дед и бабушка. Дорогие мои старики

Мама с бабушкой Маней в 41-м, в составе санитарного эшелона прошли мясорубку под Ростовом, их состав разбомбили, но удалось выжить. Потом мама работала санитаркой,

телефонисткой. В сорок пятом дедушка и бабушка вытащили её к себе в Берлин. Дед Яков Давидович и Манюра, так он звал бабушку, Марию Григорьевну - были военврачами. Бабушка в Берлине была начальником госпиталя для военнопленных офицерского состава, а дед, - Главным дермато венерологом военной администрации Берлина, оба майоры. Война для них, для мамы, закончилась в том же Берлине в сорок седьмом году. В 47-м маме было двадцать три года.



Мама. Послевоенные годы в Берлине



Мама. послевоенные годы в Берлине.

В сорок восьмом – появился я. Дочечка моя, красавица Катюша, уже в начале XXI века, два года служила в армии Израиля. Как-то получаю письмо: «Папуль! Напиши мне какие-нибудь стихи». Конечно, я что-то написал, шутил, запомнил, только, две строчки:

Я солдатом охранял северные дали,
Но за честь бы счёл служить в армии Израйля.





Катюша



Служу Советскому Союзу за Полярным кругом

Младшая дочечка моя, красавица Женечка, к счастью, в армии не служила. Но её Дима – Димон, – офицер израильской армии. Жизнь всё и всех расставляет по своим местам.

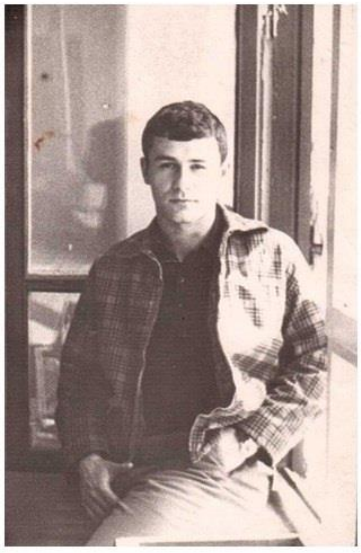




Женечка

И вот пришла моя очередь «…в солдаты отправляться». Служить, действительно, мне пришлось солдатом, - «военки» у нас не было, но не на войну же я, в конце концов, ехал. Тем у кого «военка» была, офицерам, - приходилось, после института, бомбить два года.

И вот Москва, Курский вокзал и меня встречает Люба. Я бросил все свои вещи в камеру хранения, и мы были предоставлены сами себе на целый день. 10 ноября в Москве. Погода не балует, холодно, пойти некуда. Помню, прошли «Горького», потом поехали на экскурсию по Москве, часа три сидели в «Метелице» на Калининском, прятались от непогоды. О чём-то говорили, заходили в какие-то магазины, кафешки. Я не ханжа, и нам молодым парню и девушке, - если честно, думаю, и девушка это понимала, явно не хватало, более ярких, эмоций, если хотите «драйва». Но 10-го ноября 1971 года, ни Люба, ни я, - не знали, что такое «драйв». Не знали мы и кто такой старина Фрейд. О Фрейде я в Днепродзержинске, к своему стыду, точно, не слышал. Возможно, в какие-то периоды, я и мои друзья, - «жили по Фрейду», были верны его заветам, но кто ж это тогда знал?



Студенческие годы мои

А незнание не приносит людям, тем более молодым, пользы, убивает время. К сожалению, всё было так, как я рассказываю. Но к Любе я относился бережно, грел в своих ладонях её ручки, я видел, как чиста эта девочка, как рада она тому, что сегодня мы вдвоём, - так, как она хотела всё это время.

В шесть утра, 11 ноября 1971 года, Кострома встретила нас настоящей зимой, всё в снегу, - и мороз. Я посадил Любу в пустом зале ожидания вокзала, подальше от выхода, и пошёл в парикмахерскую, первый раз в жизни, стричься налысо. Потом, в вокзальном туалете, водрузил на себя содержимое из маминой наволочки, сложил туда, то, в чём был, и сдал эту поклажу в камеру хранения. Была договорённость, что Люба передаст жетон Лёше, а Лёша отправит «наволочку» домой. Таким моя Костромская любовь меня никогда не видела. Она всплеснула руками: «Ой! Мамочки!», и её глаза стали красными от слёз. Потом в Армии, я написал «Дембельскую застольную» и вспомнил, как я в тот день выглядел. Но нужно было спешить, я был «…обязан явиться…, при себе иметь…». Мы ехали в холодном утреннем троллейбусе, мы обо всём уже сказали друг другу, последние минуты я обнимал эту, ставшую для меня, по-настоящему близким человеком, девушку. Перед военкоматом, в толпе, мы сразу же увидели Фиму, Васю, Лёшу. Были пару ребят из нашей сборной, - футболисты из Костромы. Вокруг родители, друзья, девушки провожают своих бойцов «В Армию». Зазвучали какие-то команды сержантов, все новобранцы демонстрировали напускную весёлость, некую показную удаль, но улыбки получались не очень радостные. «Ты не забывай меня. Пиши»,- сказала мне Люба и поцеловала меня, как выяснилось, в последний раз. Дальше я помню, только, сборный пункт в Нерехте. Возможно, память меня подводит, возможно, в каких-то деталях я запутался, но помнится, что сборный пункт был расположен в здании бывшего храма. В памяти, какие-то мрачные тона, запах кислых щей и какой-то, серой на вид, каши. Двухэтажные нары, - хоть и деревянные, но сидеть, лежать на них холодно. Нас «покупатели» всё время отбирают в команды и отправляют «по направлениям». Фиму и Васю в тот же день вызвали, попрощались и больше мы, никогда, не виделись. От Лёши я узнал, что Васю направили в Германию, Фиму в Свердловск. Лёша сообщил мне номера их полевых почт, я писал, но ответов не получил. Время, то сжималось до критической массы, и ты напрягался вместе с ним от полного неведения, - то тянулось уныло и бессмысленно. Я услышал от соседей «по нарам», что к церковному забору, окружавшему наше временное пристанище, приходят местные сердобольные барышни и приносят солдатикам еду. Мне было интересно посмотреть на этих красавиц, которые так запомнились мне своим неуёмным темпераментом на стадионе. Было темно и очень холодно. Метрах в десяти у ближайшей секции забора, я увидел женскую фигуру. Классную фигуру, без изъянов. Бессознательно я двинулся к ней навстречу. Теперь я мог рассмотреть её. Высокая, прекрасно сложенная девушка лет двадцати трёх, моя сверстница. Она была в длинной тёмной юбке, прикрывавшей ей колена, в светлых, с рисунком на голенищах, валенках. Короткая, плотно облегающую её фигуру дублёнка, была оторочена мехом. На ней была шапочка, опять-таки, отороченная мехом, руки она

прятала в меховой муфте. Вы бы видели её глаза, румяные от мороза щёки, а как она смотрела. От неё исходила потрясающая энергетика, она была величава, нежна, мне казалось, она манила к себе, звала, - о такой женщине можно было, только мечтать. Между нами был древний, высокий, кованый забор, была ситуативная пропасть, и это отделяло меня от неё. Она приподняла свою головку. Мама дорогая! Какая фантастическая шея, мелькнуло в моём, ещё гражданском мозгу. «Милый! ПодОйди!», - она вытащила из муфты свёрток из белой материи и протянула его мне, - «Поешь, милый!». В горле у меня стоял комок, я был потрясён и тем, что я видел и тем, что слышал. Через мгновение её уже не было.

Я осмотрелся. Вдоль забора стояли женские фигурки и протягивали ребятам, сквозь заборную решётку, свёртки с едой. В моём свёртке были две сваренные картофелины, два яйца, две булки с творогом, с сырОм. Ох, - эта Кострома! Ты, навсегда, в моей памяти, в моём сердце.

На второй день поезд уносил меня на север. Нам говорили, что мы едем в город, который немцы в войну, так и не взяли. «Питер! Питер»! - радостно накручивали себя восемнадцатилетние пацаны, но уж слишком, заговорщически, ухмылялись сержанты, флотские старшины и, сопровождающие призывников, офицеры. Через четверо суток мы узнали наименование конечной станции – МурмАнск! Место назначения – Североморск!

Вот и всё. Перед «дембелем» заболела мама, лечилась в Москве, вернулась к моему приезду. Начал сдавать папа. В часть пришло письмо из Костромы, меня, как и говорил Сафронов, пригласили вернуться на завод. Должность начальника лаборатории сварки – подтверждали. Я постоянно думал о Любе. Вот, только, жениться, ох, как мне ещё не хотелось. Но дело даже не в этом. Я был сыт и казармой и общагой. Мне хотелось к моим друзьям. Я хотел домой, мне не хватало бесед с дедом и отцом, я соскучился по любви мамы и бабушки. Я хотел надышаться всем тем, что называлось отчим домом. Я взрослел и понимал, что люди, дорогие мне люди, которых я так люблю, не властны над временем. Уже не было дедушки Эли. Не стало дяди Лазаря, ему было всего пятьдесят лет.
Нужно беречь друг друга и дорожить каждым прожитым в любви днём. Моё письмо Любе, - лучше бы я его не писал. Но письмо было отправлено, пришёл ответ, и мне было очень тяжело его читать. Надеюсь, что с годами, меня простили.

P.S. Пишет мне Сашенька Козин, большая умница, мы учились в ДИИ в одной группе: «Сегодня ты работаешь в фирме, офис которой расположен по адресу г.Днепродзержинск, ул.Костромская…». А вы говорите…

Ю. Гитин

20.09.2013г.